

РАЗСКАЗЫ КСТАТИ.



Изданіе журнала „СВЕРЧОКЪ".

МОСКВА.
Типографія бр. Вернеръ. Арбатъ, д Карипской.
1887.

Маленькая неосторожность.

Маленькая неосторожность.

Саша Завистовскій и Маня Кандаурина, послѣ долгихъ перипетій, были обвѣнчаны съ большимъ торжествомъ и составили одну изъ самыхъ завидныхъ парочекъ въ Москвѣ. Когда они проѣзжали по улицамъ—онъ завитый барашкомъ, одѣтый моднымъ портнымъ, и она полненькая, кругленькая, съ пышными розами на щекахъ—то встрѣчавшіеся молодые люди, еще не успѣвшіе подыскать себѣ подходящихъ подругъ жизни, прищелкивали завистливо языкомъ, барышни, засидѣвшіяся въ дѣвицахъ, зеленѣли и желтѣли, а старушки принимались мечтать о быломъ счастливомъ времени.

Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ Саша и Маня жили бокъ о бокъ, рука въ руку, любуясь другъ на друга и поминутно цѣлуясь. Дни и ночи у нихъ не было въ головѣ другой мысли, кромѣ своего собственнаго, эгоистическаго счастья. Они были молоды, здоровы, богаты, слѣдовательно лишены заботъ, и любили другъ друга до опьянѣнія и усталости.

Именно до усталости. Вмѣстѣ съ нею стала подкрадываться незамѣтно и скука, которую они не могли разогнать поцѣлуями. Однажды Маня поразила своего мужа просьбой.

— Поѣдемъ обѣдать сегодня въ Эрмитажъ....

— Что тебѣ вздумалось?

— Такъ.... для разнообразія....

— Какъ хочешь—поѣдемъ.

— Только знаешь, Саша. Я хотѣла бы на сегодня, чтобы ты забылъ, что я твоя жена. Представь себѣ, что ты холостъ и....

— Ты, моя возлюбленная? Какъ это глупо!

— Можетъ-быть глупо, но это меня позабавитъ.

— Изволь, поѣдемъ.

Въ семь часовъ вечера молодые супруги подымались по лѣстницѣ Эрмитажа. Метрдотель, знавшій прекрасно Завистовскаго и его интрижки, принялъ Маню за новую побѣду молодаго шикаря.

— Вамъ отдѣльный кабинетъ-съ, Александръ Кузьмичъ? — спросилъ онъ лукаво улыбаясь.

— Да, голубой, знаете тамъ въ углу?— отвѣтилъ таинственно, съ подмигиваніемъ Саша.

Роли были сыграны прекрасно и когда дверь за парочкой затворилась, метрдотель прошепталъ съ одобреніемъ: „и гдѣ онъ отыскалъ такую штучку?...“

Маня была въ восторгѣ. Удавшаяся шалость ее забавляла. Теперь ей захотѣлось пить, много пить, вина, шампанскаго.

— Постой, Маня, вѣдь шампанское передъ супомъ не пьютъ, — умѣрялъ ея пылъ Завистовскій.

Блюда уносились быстро, такъ-какъ супруги почти не дотрогивались до нихъ. Каждый разъ, когда лакей стучался передъ

тѣмъ какъ войти въ кабинетъ, Маня, шурша юпками, откидывалась въ сторону и закрывалась салфеткой.

Послѣ жаркаго принесли шампанское и Маня стала пить его бокалъ за бокаломъ. Глаза ея заискрились и она съ легкостью ребенка опьянѣла.

— Саша, разскажи мнѣ все, все. Я хочу знать....

— Что ты хочешь знать?

— Ну, какъ ты не понимаешь? Скажи— ты много зналъ женщинъ до меня?...

— Вотъ вопросъ!

— Нѣтъ, не шутя, скажи милый Саша.

— Какая ты странная. Ну, конечно я зналъ нѣсколько женщинъ.

— Много?

— Не помню.

— Ну, приблизительно? Пятьдесятъ, сто?

— Можетъ-быть и сто.

— Кто же онѣ были?—продолжала допытываться Маня.

— Актрисы, хористки, разныя другія.... нѣсколько свѣтскихъ дамъ.

— О, Саша, это ужасно! Какъ ты могъ любить столькихъ женщинъ?

— Да я ихъ вовсе не любилъ.

— Какъ, ты ихъ не любилъ и все-таки находилъ удовольствіе?...

— Я тебя увѣряю, что *здѣсь* совсѣмъ и не нужна любовь.

— Почему же, Саша, ты такъ часто мѣнялъ своихъ возлюбленныхъ?

— Не знаю. Для разнообразія.

— Развѣ онѣ не одинаковы?

— О нѣтъ! У каждой женщины есть что-нибудь свое, особенное, чего у другихъ нѣтъ.

Молодой супругъ увлекся воспоминаніемъ своихъ прежнихъ побѣдъ и не замѣтилъ, что Маня, совсѣмъ опьянѣвшая, жадно слушала его.

— Саша, а не знаешь ли, мущины тоже различны? У каждаго вѣроятно есть тоже что-нибудь свое?

— Вотъ этого не умѣю тебѣ сказать. Вѣроятно тоже самое.

Въ это самое время вошелъ метрдотель, неся ликары и фрукты. Маня не слышала его прихода и, опершись подбородкомъ на

столъ, смотрѣла чрезъ бокалъ вина на огонь. Ея прическа сбилась, глазки подернулись поволокой, щеки горѣли огнемъ, а голова работала....

— Да, вѣроятно это интересно.... и разнообразно.... шептала она.



Пустая разница.

Пустая разница.

~~~~~

Въ одну изъ тѣхъ длинныхъ ночей, когда осенній вѣтеръ стучитъ ставнями оконъ и жалобно воетъ въ трубѣ, папа̀ и мама̀ Панталончиковы вели секретное совѣщаніе по вопросамъ своей внутренней и внѣшней политики. Было уже достаточно переговорено о дороговизнѣ мяса, о расходахъ на свѣчи и керосинъ, о передѣлкѣ отцовскаго халата на пальто для Ванички и перекройкѣ красныхъ фланелевыхъ панталонъ маменьки на кофточку для маленькой Нины.

— Ну-съ, а какъ ты думаешь насчетъ Наденьки?—задалъ наконецъ вопросъ Андрей Степановичъ, зѣвая во весь ротъ и поворачиваясь на другой бокъ.
~~~~~

Это было больнымъ мѣстомъ Олимпіады Сергѣевны. Когда заходила рѣчь о ея „сокровищѣ“, она испытывала острую боль, похожую на ту, которую чувствуешь, когда дантистъ начинаетъ ковырять своимъ инструментомъ обнаженный нервъ больнаго зуба.

— Вѣдь ей тово,—продолжаетъ безжалостно Панталончиковъ, — пора бы и замужъ! Скоро ей тридцать стукнетъ, а тогда ужъ жениха и съ собаками не сыщешь.

— Тридцать!—вы вѣчно преувеличиваете, Андрей Степановичъ,—ядовито отгрызнулась Олимпіада Сергѣевна. — Кажется можно бы помнить лѣта собственной дочери. Вы вотъ, лучше бы чѣмъ надсмѣшничать, позаботились пристроить родное дѣтище за хорошаго человѣка.

— Помилуй, матушка! Что же мнѣ-то дѣлать? Я тутъ совсѣмъ нипричемъ.... Вотъ еслибы супружеская повинность существовала, на манеръ воинской что-ли, тогда бы дѣло десятаго рода....

— Ну и мущины же нынче хороши, нечего сказать! Если которая дѣвушка безприданница, такъ ей сейчасъ всѣ и брезгуютъ....

— Э, матушка, весь свѣтъ не передѣлаешь. Что объ этомъ говорить....

Супруги Панталончиковы замолкли. Кругомъ воцарилась тишина. Только гдѣ-то мышь скреблась за обоями, да изъ кухни доносился храпъ и носовое свистаніе кухарки.

— Андрюша!—наконецъ послышался тихій шепотъ.

— Чего тебѣ?

— А вѣдь я придумала!

— Что?

— Какъ намъ замужъ Наденьку выдать.

— Ну??!—недовѣрчиво произнесъ Панталончиковъ.

Супруги зашептались.



На слѣдующій день весь городъ Пустозвонскъ былъ взволнованъ извѣстіемъ чрезвычайной важности.

— Слышали?—спрашивали другъ друга на улицахъ мирные обыватели.

— Какже-съ! Помилуйте.... Этакое вѣдь счастье людямъ. Вотъ ужъ именно—не было ни гроша, и вдругъ алтынъ-съ....

— М-да! Дуракамъ всегда счастье!...

— Да еще какое.... Слыханное ли дѣло! Вѣдь у нихъ-то, у Панталончиковыхъ, былъ всего на всего одинъ какой-то билетъ внутренняго займа.... И вдругъ 200 тысячъ выиграли.... Вотъ поди же послѣ этого.

Новость съ быстротою пожарнаго репортера облетѣла весь городъ. Только и было разговору, что про 200 тысячъ, выигранныя Панталончиковыми. Всѣ завидовали, возмущались, негодовали. Никто не хотѣлъ простить имъ „дурацкаго“ счастья.

Извѣстіе это распространилось слѣдующимъ образомъ.

Андрей Степановичъ, на слѣдующій день послѣ описаннаго секретнаго совѣщанія съ супругой, въ то время когда собрались всѣ его товарищи по канцеляріи, небрежно сообщилъ:

— Господа, вы слышали? Вѣдь выигрышъ въ 200 тысячъ упалъ на мой билетъ. Былъ у меня всего одинъ разъединый.... я, знаете, уже отчаялся что-нибудь выиграть и подарилъ его своей дочуркѣ. „На, говорю, Наденька, ты у меня безприданница.... береги

билетъ, можетъ Господь пошлетъ тебѣ что-нибудь". Чтожъ, вѣдь и въ правду выиграла... Вотъ ужъ поистинѣ за ея кротость Господь наградилъ.

Черезъ часъ гонцы изъ кумушекъ и различныхъ старушекъ уже благовѣстили по всему Пустозвонску, повторяя разсказъ Андрея Степановича съ различными варiантами.

Ровно въ пять часовъ Панталончиковъ вышелъ изъ канцелярiи. Швейцаръ кланялся ему въ поясъ. Сторожа вытянулись въ струнку. Двадцать паръ услужливыхъ рукъ бросились подавать ему истрепанную шинель и калоши.

— Что вы, что вы? Не безпокойтесь.— бормоталъ сконфуженный Андрей Степановичъ.

— Ничего-съ, ваше сiятельство.... Мы завсегда съ полнымъ удовольствiемъ-съ.

У подъѣзда уже стоялъ лихачъ-извощикъ, съ шапкой въ рукахъ.

— Прикажите-съ вашу милость домой, на Вшивую улицу доставить-съ?

Послѣ обѣда пришли лавочникъ, мясникъ, зеленщикъ, дворникъ, водовозъ, почтальонъ,

трубочистъ. Всѣ низко кланялись и спѣшили со своими поздравленіями.

— Спасибо, спасибо милые,—важно вринималъ ихъ Панталончиковъ, какъ нельзя лучше уже вошедшій въ свою роль.—Тамъ, за мной, кажется, маленькій должокъ?...

— Помилуйте, сударь, не извольте безпокоиться, сущіе пустяки-съ....



Вечеромъ у Панталончиковыхъ собралось много народу. Откуда-то появилось много кавалеровъ и Наденька, перезрѣлая, худая дѣва съ бѣлыми волосами, бѣлесоватыми рѣсницами и къ тому же косая, была царицей бала.

Роемъ около нея увивались провинціальные кавалеры.

— Надежда Андреевна, вы нынче очаровательны-съ!...

— Восхитительны-съ!...

— Обворожительны-съ!...

Бѣдная дѣвушка таяла отъ удовольствія. На лбу и на вздернутомъ носикѣ у нея да-

же выступалъ потъ. Въ груди пріятно щемило. Ей въ первый разъ приходилось быть предметомъ всеобщаго вниманія.

Вечеръ удался вполнѣ.

Чиновникъ изъ контрольной палаты, Курицынъ, съ большимъ чувствомъ пѣлъ романсы и при этомъ трогательно закатывалъ глаза. Юный адъютантикъ гарнизона улыбался до ушей и ежеминутно щелкалъ своими шпорами. Учитель словесности Бенескриптовъ старался обратить на себя вниманіе „серьезными" разговорами. Но лучше всѣхъ былъ Одеколоновъ, рыжій телеграфистъ, съ лицомъ покрытымъ угрями и веснушками. Онъ мрачно сидѣлъ въ углу, ерошилъ свои волоса и бросалъ убійственные взгляды, которые проникали въ самые отдаленные уголки Наденькинаго птичьяго сердца.

Она была тронута этой безмолвной страстью и, къ концу вечера, подошла къ телеграфисту въ его темный уголокъ.

— Что съ вами, Василій Ивановичъ?— участливо спросила она.

— Жестокая! она еще спрашиваетъ!— трагически воскликнулъ Одеколоновъ.

— Но, право, я васъ не понимаю!...

— Весьма даже понятно-съ!... Развѣ вы, при вашемъ капиталѣ, можете обращать вниманіе на страстную любовь телеграфиста.... Въ особенности ежели здѣсь имѣются и прочіе.... военнаго и штатскаго сословія....

— Грѣшно вамъ говорить такія вещи, Василій Ивановичъ.... Вѣдь вы знаете, что я всегда къ вамъ была расположена.... Я даже вамъ туфли и закладку готова вышить....

— Здѣсь говорится о страданіяхъ моего сердца, а вы вдругъ туфли, закладку....

— Такъ вы это насчетъ любви?

— А то насчетъ чего-же съ!

— И это взаправду вы говорите?

— Вы еще можете сомнѣваться?...

— Въ такомъ случаѣ поговорите съ папенькой....

*
* *

Вскорѣ была „справлена“ свадьба и дѣвица Надежда Андреевна Панталончикова сдѣлалась госпожей Одеколоновой.

На слѣдующее утро послѣ свадьбы телеграфистъ поспѣшилъ къ своему тестю.

— Какъ же, Андрей Степановичъ, насчетъ Наденькинаго приданаго?

— Приданаго! гм.... да.... То есть насчетъ какого это приданаго?...

— О, эти мущины,—трагически воскликнула Олимпіада Сергѣевна.—Онъ похитилъ у насъ наше сокровище, нашу Наденьку и еще спрашиваетъ денегъ! Чудовище! Извергъ!

Маменька торжественно выплыла изъ комнаты, оставивъ Андрея Степановича вдвоемъ съ зятемъ, для непріятныхъ объясненій.

— Вѣдь вы обѣщали за Наденькой 200 тысячъ....

— !!!?

— Да!... 200 тысячъ, которыя выпали на ея билетъ.

— Увы, молодой человѣкъ, эта была ошибка въ телеграммѣ....

— Такъ вы меня обманули! Это подло, низко, безчестно....

Одеколоновъ пришелъ въ бѣшенство. Онъ кричалъ, задыхался, рвалъ на себѣ волосы, плевался, плакалъ и ломалъ мебель,

ругаясь площадными словами и изрекая тысячи проклятій.

— Не понимаю, изъ-за чего вы горячитесь?—повторялъ спокойно папа Панталончиковъ.—Поймите же, что это пустяшная ошибка. Выигрышъ палъ на билетъ 73 серіи 810,704, а у Наденьки тоже 73 билетъ, только 810,703 серіи.... Стоитъ ли поднимать столько шуму изъ одной единицы!

— Чертъ возьми! Хорошее утѣшеніе.... А если я изъ за одной единицы, вмѣсто жены взялъ воронье пугало? Если изъ-за этой же самой единицы я навсегда испортилъ свою карьеру?—кричалъ какъ бѣшеный телеграфистъ.

— Милостивый государь! вы оскорбляете во мнѣ чувство отца и порядочнаго человѣка, — важно произнесъ папаша и поспѣшилъ благородно ретироваться...



Два Аякса.

Два Аякса.

I.

Они были неразлучны.

Оба краснощекіе, рослые, красивые, затянутые въ одинаковыя голубыя курточки, разшитыя золотыми шнурами, они замѣчательно походили другъ на друга.

Одинаковость привычекъ, возраста, воспитанія и темперамента, долгое совмѣстное пребываніе на школьной скамьѣ и въ полку сдѣлали изъ нихъ какихъ-то Сіамскихъ близнецовъ, невозможныхъ въ отдѣльности.

Вмѣстѣ они окончили школу и были выпущены въ полкъ. Вмѣстѣ они надѣли эпо-

леты и звонко щелкнули шпорами. Они жили вмѣстѣ, вмѣстѣ веселились, хандрили, участвовали на парадахъ и смотрахъ и до того сжились, что думали почти одно и то же и говорили одними словами.

Товарищи въ шутку прозвали ихъ двумя Аяксами и это прозвище такъ усвоилось за ними, что въ полку ихъ иначе почти и не называли.

Утромъ, просыпаясь, они кричали другъ другу:

— Здравствуй, Никсъ!

— Здравствуй, Максъ!

— Ты какъ спалъ?

— Хорошо.... а ты?

— Я тоже.... Что мы сегодня будемъ дѣлать?

— Писать письма къ мамашѣ....

И оба принимались писать, каждый своей матери, но содержаніе писемъ было одинаково.

II.

Нѣтъ дружбы безъ испытаній....

Настала очередь и для нашихъ Аяксовъ испытать силу своей привязанности другъ къ другу.

Однажды оба они были на балу у командира полка. Среди множества красивыхъ дамъ и дѣвицъ въ этомъ обществѣ выдѣлялась своей красотой и грацiей молоденькая вдовушка Синицына. Она была царицей бала и вокругъ нея увивался цѣлый рой молодежи, добиваясь, какъ милости, одного взгляда ея глубокихъ черныхъ очей.

Синицына, нужно отдать ей справедливость, дѣйствительно была чудно хороша. На бѣлой мраморной шеѣ сидѣла античная, гордая головка съ выразительными глазками, восхитительными губками и черными бровями, оттѣняющими словно бархатомъ бѣленькiй, красиво сформированный лобъ, на который падалъ блестящiй каскадъ шелковистыхъ, темныхъ кудрей.

Елена Павловна Синицына обладала всѣмъ, что считается необходимымъ для полнаго счастья людей. Она была молода и прекрасна, пользовалась цвѣтущимъ здоровьемъ, была богата и вдобавокъ ко всему свободна какъ

степной конь, не знающій узды, или вѣтеръ, колыхающій верхушки сѣдыхъ ковылей.... И она пользовалась смѣло всѣми благами, которыя для нея расточала щедрой рукой капризная судьба.

Елена Павловна танцовала весь вечеръ съ Буровымъ и Смуровымъ.

Каждый поочередно, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, имѣлъ счастье обнимать горячей рукой ея восхитительный станъ, чувствовать на своихъ щекахъ ея горячее дыханіе и видѣть пару волшебныхъ глазъ, горѣвшихъ словно два черные бриліанта, устремленные на него съ выраженіемъ нѣги и сладострастія.

Но счастье продолжалось недолго. Черезъ нѣсколько минутъ Аяксъ со вздохомъ передавалъ красавицу своему другу и съ завистью слѣдилъ за ея стройной фигурой, носившейся въ вихрѣ вальса, съ горящимъ взоромъ и цвѣтами на головѣ, словно прекрасная вакханка.

Въ эти минуты въ сердцѣ Аяксовъ просыпалась ревность и тѣнь неудовольствія впервые смущала горизонтъ ихъ дружбы.

На прощаніе Елена Павловна пожала руку каждому изъ нихъ и какъ-то таинственно прошептала:

— До свиданія!

Слова эти словно чарующая музыка отдавались въ сердцахъ молодыхъ корнетовъ и все время звучали въ ихъ ушахъ, привыкшихъ только къ трубѣ горниста.

Придя домой, каждый изъ нихъ бросился на свою постель.

— Никсъ, я кажется влюбленъ!—промолвилъ Максъ.

— Максъ, я кажется тоже!...—отвѣтилъ Никсъ.

— Ты въ кого?

— Въ Елену Павловну!...

— А ты въ каго?

— Въ Елену Павловну!

III.

Оба корнета нахмурились и молча отвернулись къ стѣнѣ. Въ первый разъ они были другъ другомъ недовольны.

Прошло нѣсколько дней, Аяксы продол-

жали дуться. Наконецъ старыя привычки взяли свое. Они обнялись:

— Мы солдаты, Максъ!

— Да, Никсъ!

— Ну, давай помиримся!

Пріятели облобызались и дружба была вновь заключена.

Однажды Максъ и Никсъ поѣхали верхомъ на прогулку за городъ. Застигнувшая ихъ буря принудила искать пріюта въ помѣщичьей усадьбѣ, попавшейся на пути. Случаю было угодно, чтобы именно эта усадьба принадлежала интересной вдовушкѣ Синицыной.

Она увидала всадниковъ, въѣхавшихъ на дворъ, и отдала приказаніе принять ихъ. Дворецкій провелъ молодыхъ людей въ высокую залу, гдѣ былъ приготовленъ ужинъ и весело горѣлъ каминъ....

Черезъ минуту вошла хозайка. Максъ и Никсъ были поражены.

— Елена Павловна!—воскликнули они въ одинъ голосъ.

— Она самая.... Кому я обязана за этотъ интересный визитъ?

— Дождю!

— Въ такомъ случаѣ онъ гораздо любезнѣе чѣмъ два извѣстныхъ мнѣ корнета....

Елена Павловна улыбнулась и пригласила молодыхъ людей ужинать. Ужинъ прошелъ весело. Вдовушка чувствовала себя менѣе стѣсненной у себя дома чѣмъ на балу.

Послѣ ужина Синицына позвала дворецкаго.

— Готова ли комната для этихъ господъ?—спросила она.

— Готова-съ....

— Проводи ихъ туда....

И потомъ, обернувшись къ друзьямъ, прибавила съ странною улыбкой:

— *Покойной* ночи, господа, надѣюсь, вы хорошо будете почивать въ моемъ домѣ!

Оба корнета подавили вздохъ сожалѣнія и пошли за дворецкимъ. Когда они проходили по темному корридору, Никсъ отсталъ. Вдругъ отворилась одна дверь и на шею Никсу бросилась Елена Павловна.

— Приходи сюда!—прошептала она ему на ухо и скрылась, подаривъ ему предварительно жгучій поцѣлуй.

Черезъ нѣсколько минутъ та же исторія

повторилась и съ Максомъ, шедшимъ впереди среди полнаго мрака.

Войдя въ свою комнату, корнеты моментально легли и, потушивъ свѣчу, представились спящими. Каждый считалъ себя счастливымъ избранникомъ.

Черезъ полчаса Никсъ безшумно всталъ и вышелъ изъ комнаты. За нимъ также тихо изчезъ и Максъ, увѣренный, что Никсъ спокойно спитъ въ своей постели.

На слѣдующее утро корнеты покинули домъ Елены Павловны. Простившись съ прекрасной хозяйкой, они тронулись въ путь въ счастливомъ настроеніи духа.

Каждый считалъ себя счастливымъ обладателемъ красавицы-хозяйки, но стараясь не дать повода другу къ ревности, скрывалъ свое счастье въ глубинѣ своего сердца.

Когда оба всадника скрылись изъ виду, двѣ женщины, смотрѣвшія на нихъ изъ окна, залились веселымъ хохотомъ.

Одна изъ этихъ женщинъ была Елена Павловна, другая ея горничная....

Обѣ женщины весьма походили другъ на друга. Онѣ были одного роста и почти однихъ лѣтъ.

— Бѣдняжки! Они такъ дружны, что не стоило ихъ ссорить изъ-за женщины,—промолвила загадочно Елена Павловна.



Въ чужомъ пиру похмѣлье.

Въ чужомъ пиру похмѣлье.

Поручикъ Пантхоржевскій ликовалъ.

Два мѣсяца онъ ухаживалъ за прекрасной капитаншей и добился наконецъ свиданія. Для такого торжества онъ завился барашкомъ, напомадилъ усы до того, что они торчали у него какъ у рака, и натеръ пуговицы и сапоги до зеркальнаго блеска.

Придавъ себѣ такой непобѣдимый видъ, Пантхоржевскій посмотрѣлся въ зеркало, притопнулъ два па изъ мазурки и, оставшись вполнѣ довольнымъ своей особой, вышелъ на улицу.

— Не выпить ли для куража?—подумалъ бравый поручикъ и послѣ краткаго размышленія зашелъ въ ресторанъ.

Рюмка коньяку привела офицера совершенно въ радужное настроеніе и онъ уже хощупывалъ на капитанской головѣ два хорошенькихъ рожка.

— Это тебѣ за два разноса на ученьи!— приговаривалъ поручикъ, тряся воображаемаго капитана за рога.—Это тебѣ за лишніе караулы на гауптвахтѣ! Это тебѣ....

Поручикъ сталъ перебирать по пальцамъ всѣ невзгоды, которыя ему пришлось перенести, благодаря ненавистному капитану.

Погруженный въ свои мечты, поручикъ незамѣтно подошелъ къ дому, гдѣ обитали и врагъ, и богиня его. Для того, чтобы пробраться въ бесѣдку, поручику нужно было перелѣзть черезъ заборъ. Хотя такой способъ и не совсѣмъ нравился юному воину, тѣмъ не менѣе онъ, не колеблясь, сталъ карабкаться. Капитанъ былъ человѣкъ предусмотрительный и на его заборѣ красовались здоровые гвозди. Въ темнотѣ поручикъ не замѣтилъ ихъ и сильно нагоролъ себѣ руку, а вмѣстѣ съ тѣмъ нанесъ смертельную рану своимъ чикчирамъ.

— Что теперь дѣлать?—думалъ съ отча-

яніемъ поручикъ, взявши наконецъ барьеръ.

Его брюки находились въ плачевномъ состояніи, а съ пальцевъ лѣвой руки ручьемъ текла кровь.

— Скажу, что дрался на дуэли—это женщинамъ нравится.

Одухотвореный такой блестящей мыслью, поручикъ Пантхоржевскій замоталъ себѣ руку носовымъ платкомъ и храбро направился къ бесѣдкѣ.

Лидія Николаевна уже ждала его. Ожидаданіе, неизвѣстность и опастность пугали ее и она нервно дрожала. Бѣдняжка только въ первый разъ измѣняла мужу.

— Чего вы боитесь, дорогая, — успокоивалъ ее Пантхоржевскій,—капитанъ уѣхалъ на цѣлую недѣлю; онъ теперь далеко. Да наконецъ—развѣ я вамъ не защитникъ? Посмотрите на меня—вы видите передъ собою человѣка, который только-что убилъ на дуэли двухъ своихъ противниковъ.

— Неужели?!—съ ужасомъ пополамъ съ восхищеніемъ воскликнула капитанша.

— Истинная правда! Вотъ полюбуйтесь.

Говоря это, поручикъ показалъ капитанш҃ѣ свою пораненную руку. Онъ хотѣлъ показать и чикчиры, но опомнился во-время.

Видя неустрашимость своего вздыхателя, капитанша ужъ болѣе не колебалась. Она встала и безмолвно направилась къ дому. Поручикъ слѣдовалъ за ней. Осторожно отворивъ дверь, Лидія Николаевна взяла своего возлюбленнаго за руку и оба они, на концахъ пальцевъ, почти не дыша, стали пробираться по корридору. Малѣйшій стукъ, невѣрный шагъ могъ ихъ выдать, такъ-какъ домъ былъ полонъ прислуги.

Наконецъ они добрались до спальни и съ облегченіемъ вздохнули. Поручикъ задыхался отъ блаженства и восторга. Онъ усадилъ Лидію Николаевну; онъ готовъ былъ начать говорить что-то очень красивое. Какъ вдругъ изъ сосѣдней комнаты раздался дѣтскій плачъ.

— Это Костюша, онъ привыкъ спать со мной, а сегодня я его уложила въ дѣтской. Можетъ-быть утихнетъ.

Но Костюша не унимался. Онъ сталъ разводить такія рулады своимъ сопрано, что грозилъ поставить весь домъ на ноги.

Лидія Николаевна принуждена была принести его и положить на свою кровать. Сначала ребенокъ сталъ стихать, но увидѣвъ незнакомаго человѣка, залился еще пуще.

— Постой же, я тебя уйму, капитанское отродье!—подумалъ поручикъ и, подойдя къ кровати, сталъ гладить ребенка по головкѣ. Но это былъ предательскій маневръ, ибо въ то время, когда лѣвая рука Пантхоржевскаго ласкала Костюшу, его десница что есть мочи щипала ноги ребенка.

— Цыцъ, душка! Не плачь, Костя,—приговаривалъ жестокосердый воинъ и, собравъ побольше костюшинаго мяса въ пальцы, безжалостно закручивалъ его въ обѣ стороны.

Бѣдный младенецъ отъ такихъ ласкъ (которыя разумѣется поручикъ весьма ловко скрывалъ отъ капитанши) сталъ кричать до того, что задыхался и замиралъ, и безмолвно корчился.

Чрезъ минуту онъ овладѣвалъ своимъ голосомъ и оглашалъ домъ такимъ крикомъ, что стекла въ окнахъ дрожали. Затѣмъ ребенокъ снова задыхался, а поручикъ навер-

тывалъ на свои пальцы тѣльце другой ноги Костюши.

Не понимая, что дѣлается съ сыномъ, Лидія Николаевна снесла его къ нянѣ. Избавившись отъ мучителя, ребенокъ покричалъ еще минуты три и затѣмъ крѣпко заснулъ отъ избытка сильныхъ ощущеній.

А поручикъ тѣмъ временемъ блаженствовалъ.

* *
*

Капитанъ пріѣхалъ на другой день — гораздо скорѣе чѣмъ разсчитывали влюбленные—и разрушилъ этимъ всѣ ихъ розовые планы.

— А что же Костюшку не уложили на нашей кровати? — спросилъ капитанъ вечеромъ.

Лидія Николаевна велѣла принести сына. Но едва ребенка приблизили къ родительской кровати, какъ онъ въ ужасѣ сталъ барахтаться и отчаянно орать, какъ-будто почуявъ невидимаго врага.

— Что это съ нимъ? — спросилъ капитанъ.—Не боленъ ли онъ?

Говоря это, онъ приподнялъ рубашечку крикуна. О, ужасъ! Все тѣло ребенка представляло кровавые синяки.

При видѣ этой картины для Лидіи Николаевны все стало ясно.

— О, несчастный!—съ ненавистью вскрикчала она.—О през....

Капитанша во время спохватилась, такъ-какъ мужъ съ недоумѣніемъ глядѣлъ на нее.

— Я говорю, несчастный ребенокъ, — поправилась она,—это его няня такъ измучила.

И бѣдная, неповинная ни въ чемъ няня была прогнана.



Поусердствовалъ.

Поусердствовалъ.

Мѣстечко Лукмы лежитъ на самой австрійской границѣ.

Не ищите его на картѣ. Не заглядывайте также въ учебникъ географіи Смирнова, Лукмы ничѣмъ особеннымъ не отличаются. Зато въ нихъ много жидовъ. Жиды и песокъ, песокъ и жиды.

Не правда ли, унылый пейзажъ?

Десятка два деревянныхъ домовъ, двѣ „каменицы“, казармы таможеннаго кордона, госпиталь, церковь — вотъ и все. Кругомъ пески и на десятокъ верстъ окрестъ ни одного деревца...

На лѣто семьи чиновниковъ и зажиточ-

ныхъ жидовъ перекочевываютъ „за границу“.

Бѣдные люди! Это магическое слово “заграница“, представляющееся намъ въ видѣ веселыхъ европейскихъ курортовъ, морскихъ купаній, прогулокъ по Швейцаріи, не имѣло для нихъ никакой прелести. *Заграница* для чиновниковъ мѣстечка обозначала маленькую дачу въ австрійской деревушкѣ, въ десяткѣ верстъ отъ Лукмы, гдѣ лѣсокъ и чистенькая рѣчонка давали прохладу и отдыхъ.

Во дни перекочевки дорога чрезъ таможенную сторожку оживлялась. То мужья, то жены, родственники, прислуга совершали безпрерывные переѣзды чрезъ границу.

Обитатели мѣстечка почти забыли слова *контрабанда* и даже *паспортъ*. На таможенный постъ они смотрѣли какъ на учрежденіе, которое существуетъ для порядка и для того, чтобы давать жалованье нѣсколькимъ чиновникамъ и разъѣзднымъ.

Какъ отдаленное преданіе, разсказывали лукмовцы о страшномъ контрабандистѣ Янкелѣ, который осмѣлился однажды перейти

границу, обернувъ себя табачными листами. Старичокъ-смотритель выпоролъ контрабандиста и продержалъ его въ холодной цѣлую ночь, такъ-что бѣдный жидъ чихалъ отъ табаку нѣсколько дней.

Случаи контрабанды больше не повторялись и преданіе о страшномъ Янкелѣ служило матерямъ средствомъ успокаивать плаксивыхъ ребятъ.

* *
*

Все текло мирно, тихо до тѣхъ поръ, пока старичокъ-смотритель не протянулъ свои костлявыя ноги. Черезъ двѣ недѣли пріѣхалъ новый таможенный смотритель.

Завелись новые порядки.

Экипажи и телѣги останавливались; пассажиры обыскивались, ощупывались; паспорты осматривались до того строго, что обыватели чуть не бредили ими, а разъѣздные съ просонокъ кричали „пачпортъ подавай“.

Но всѣ эти строгости не удовлетворяли новаго смотрителя.

Наступило дачное время и постоянные

переѣзды чрезъ границу показались ему подозрительными. Онъ издалъ приказъ ощупывать тщательно горбатыхъ, очень толстыхъ, дамъ съ кринолинами и турнюрами и вообще все подозрительное. Не довольствуясь распоряженіями, онъ дѣлалъ ночныя ревизіи и лично осматривалъ переѣзжающихъ границу.

Однажды вечеромъ новому смотрителю вздумалось пройтись по линіи. Увидѣвъ подъѣзжающій къ сторожкѣ дормезъ, онъ поспѣшилъ къ нему, чтобы своею ревностью показать примѣръ подчиненнымъ.

Въ дормезѣ сидѣла молодая дамочка. Увидѣвъ таможенныхъ, она положила на переднюю скамейку свой сакъ-вояжъ и корзинку.

Смотритель внимательно осмотрѣлъ вещи, пошарилъ подъ сидѣніями, подозрительно ощупалъ кучера, но не нашелъ ничего подлежащаго пошлинѣ.

— А это что такое, пани?—спросилъ онъ, увидѣвъ, что дама спрятала подъ подушку какую-то бутылку, завернутую въ газету.

Дама сконфузилась, покраснѣла и ничего не отвѣтила.

Смотритель увидѣлъ въ ея замѣшательствѣ признакъ виновности.

— Ага, понимаю! —вскричалъ онъ,—вѣрно дорогой ликеръ.

— Ахъ, нѣтъ! увѣряю васъ, панъ-смотритель...

Но рука уже завладѣла бутылкой.

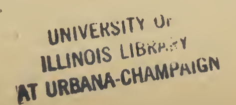
— Это... это... мой мужъ боленъ... докторъ приказалъ...—залепетала дяма, еще болѣе покраснѣвъ.

— Знаемъ, знаемъ, для доктора...

И смотритель, поглядѣвъ на свѣтъ бутылку, въ которой была жидкость какого-то неопредѣленнаго цвѣта, откупорилъ ее и глотнулъ.

— Фу, какая гадость! — сплюнулъ онъ тотчасъ.—Пить невозможно!

— Да это вовсе и не для питья... это... это... Бѣдный смотритель хотѣлъ полюбопытствовать, что за микстуру онъ выпилъ, но барыня упала навзничь и хохотала какъ безумная, а подчиненные кусали губы, чтобы не послѣдовать ея примѣру.



Съ тѣхъ поръ панъ-смотритель потерялъ всю свою строгость и лукмовцы вздохнули съ облегченіемъ.

Тѣмъ не менѣе происшествіе это не было забыто и знакомые строгаго смотрителя, желая досадить ему, спрашивали съ лукавой улыбкой:

— А, скажите-ка на милость, панъ-смотритель, что было въ бутылкѣ, которую везла пани X. къ доктору??



Первый снѣжокъ.

Первый снѣжокъ.

— Завтра, господа, вы можете дать отдохнуть своимъ ружьямъ,—сказалъ вечеромъ Федоръ Степановичъ, придвигая свое кресло къ камину и закуривая ароматическую сигару.

— Это почему же?....

— А потому, что нельзя будетъ итди на охоту....

Пффф! Пффф! Пффф!.... Федоръ Степановичъ затянулся сигарой и продолжалъ.

— Я чувствую боль въ лѣвой икрѣ.... Это къ непогодѣ. Мой ревматизмъ, доложу я вамъ, государи мои лучше всякаго барометра. Онъ никогда меня не обманываетъ. Вы увидите, что нынче ночью выпадетъ снѣгъ.

Рыжій понтеръ Кадо, лежавшій у ногъ хозяина, громко зѣвнулъ. Я переглянулся со своимъ товарищемъ Петей Прутковымъ.

— Чортъ возьми! Это досадно....

— Конечно.... Но что же дѣлать? Впрочемъ мы постараемся весело провести время.... Вы играете въ винтъ? Прелестно!.... Вотъ у насъ и есть занятіе. Не правда ли, моя дочурка, и ты постараешься помочь мнѣ развлекать гостей?....

— Съ удовольствіемъ, папаша!—отвѣчала красивая молодая дѣвушка, бросая на насъ взглядъ, который заставлялъ трепетать мою селезенку; если только съумѣю,—скромно прибавила она.

Часы пробили двѣнадцать. Кадо еще разъ зѣвнулъ. Мы поднялись и стали прощаться.

* *
*

Когда мы вышли съ Петей на дворъ, кругомъ уже все спало. Была лунная ночь. Легкій морозецъ заставлялъ насъ нервно вздрагивать.

— Итакъ, завтра придется сидѣть дома,—началъ я.

— Мда!.... Не стоило пріѣзжать въ деревню, чтобы скучать за картами. Впрочемъ Федоръ Степановичъ милѣйшій хозяинъ....

— И прекрасный охотникъ....

Мы замолчали. Послышался стукъ деревяшекъ ночнаго сторожа.

— Что ты думаешь насчетъ Настеньки?— вдругъ неожиданно спросилъ меня Петя, какъ-то пытливо взглядываясь въ мое лице.

— Я думаю, что она прелестная дѣвушка! Но она скромна, очень скромна....

— Совершенно вѣрно!....

— За нею безполезно даже ухаживать!

— Совершенно безполезно.... и притомъ это было бы неблагородно по отношенію къ ея отцу, почтенному старику....

— Гостепріимствомъ котораго, притомъ, мы пользуемся.... Это было бы черною неблагодарностью!

Мы пожали другъ другу руки, довольные тѣмъ, что совершенно сошлись во мнѣніяхъ

— Покойной ночи, Сережа!

— Покойной ночи, Петя!

И мы разошлись. Я пошелъ во флигелекъ, гдѣ была устроена моя спальня, а Петя въ

каменную бесѣдку, выстроенную на другомъ концѣ двора, гдѣ онъ спалъ во все время нашего пребыванія въ имѣніи Федора Степанозича, богатаго помѣщика и страстнаго охотника.

* *
*

Я возвращался къ себѣ въ самомъ пріятномъ настроеніи духа.

— Значитъ онъ ничего не подозрѣваетъ,— думалъ я, — мечтая о своемъ счастьи.

Былъ уже четвертый день, какъ мы гостили у Федора Степановича, и я не могъ пожаловаться на скуку. Днемъ мы травили зайцевъ и лисицъ. Когда же наступала ночь, я уходилъ въ свой флигелекъ. Ровно въ полночь, Настенька, дочь нашего хозяина, покидала домъ, въ которомъ она жила вмѣстѣ съ отцомъ. Ударъ маленькимъ камешкомъ въ окно. Я открывалъ его и помогалъ своей прелестной гостьѣ взобраться въ мою комнату....

Раннимъ утромъ тѣмъ же путемъ она удалялась и спѣшила возвратиться къ себѣ домой, чтобы никто не замѣтилъ ея отсутствія,

а я мечталъ до самаго восхода солнца съ закрытыми глазами....

Въ четвертую ночь все шло по обыкновенію. Настенька казалась мнѣ на этотъ разъ еще прекраснѣе, чѣмъ всегда. Наконецъ пропѣли пѣтухи—настала пора разлуки! Настенька торопливо поцѣловала меня и выпрыгнула въ окно.

Я остался одинъ, мечтая о ней и ощущая еще ароматъ ея тяжелыхъ черныхъ косъ. Наконецъ стало свѣтать. Я не могъ больше заснуть и подошелъ къ окну.

Вся земля была покрыта бѣлымъ, серебрянымъ покровомъ, ровнымъ и гладкимъ какъ скатерть. Въ воздухѣ еще носились послѣднія снѣжинки точно пухъ лебедя. Вдругъ я замѣтилъ, что повсюду снѣжная пелена была дѣвственна, и только отъ моего окна шли дорожкою слѣды миніатюрныхъ башмачковъ Настеньки съ ихъ высокими каблуками.

Отчаяніе наполнило мою грудь.

Честь Настеньки погибла. Теперь все будетъ открыто. Миніатюрные слѣды не могли принадлежать никому болѣе какъ ей—

это будетъ ясно для всѣхъ. И эти слѣды вели отъ моего окна къ ея окошку....

Нужно было дѣйствовать, чтобы спасти милую дѣвушку.

* *
*

Я быстро одѣлся и выпрыгнулъ окно.

Ставъ на колѣни, я сталъ ползти по снѣгу и кататься, чтобы уничтожить отпечатки предательскихъ слѣдовъ Такимъ образомъ я медленно подвигался впередъ, уставивъ голову внизъ и смотря только на дорогу, проложенную милыми ножками. Еслибы кто-нибудь увидалъ меня въ эту минуту, то принялъ бы за сумашедшаго.

Прошелъ цѣлый часъ ужасной работы. Потъ покрывалъ мою голову. Руки и ноги кочснѣли отъ холода. Наконецъ я достигъ кокой-то стѣны. Слава Богу, работа кончена! Это долженъ быть домъ, гдѣ живетъ Федоръ Степановичъ. Теперь могутъ подумать все, что угодно, но ни малѣйшая тѣнь подозрѣнія не падетъ на Настеньку.

Я поднялъ голову, но каково же было мое

удивленіе, когда я увидѣлъ вмѣсто дома Федора Степановича бесѣдку Пети. Я оглянулся назадъ. Слѣды вели отъ моего флигеля прямо къ окну Пети. Даже на его подоконникѣ отпечаталась та же маленькая ножка съ высокимъ каблукомъ....

* * *

На слѣдующій день мы всѣ встрѣтились въ залѣ.

Федоръ Степановичъ сидѣлъ у камина и читалъ газету. У его ногъ лежалъ рыжій Кадо. Настенька какъ ни въ чемъ не бывало глядѣла на насъ. Мы играли въ винтъ и много смѣялись.

Вечеромъ мы опять вышли вмѣстѣ съ Петей.

— Что ты думаешь насчетъ Настеньки?— спросилъ я.

— Я думаю, что она прелестная дѣвушка, но она скромна....

— Очень скромна....

— За ней безполезно даже ухаживать....

— Совершенно безполезно!...

Мы холодно пожали другъ другу руки и разошлись, въ полной увѣренности, что отлично съыграли свою роль.

На слѣдующій день я собралъ свои пожитки и уѣхалъ изъ гостепріимнаго дома Ѳедора Степановича....



Званый обѣдъ.

Званый обѣдъ.

Въ прошлую среду, титулярный совѣтникъ Пописухинъ обѣдалъ съ супругой и сыномъ у надворнаго совѣтника Сургучкина. Ихъ убѣдили, что все будетъ запросто, на самомъ же дѣлѣ Пописухины неожиданно очутились въ огромномъ обществѣ совсѣмъ незнакомыхъ людей.

При самомъ входѣ Сургучкинъ схватилъ Пописухина за рукавъ и сталъ обводить кругомъ.

— *Старый другъ*, господа!—говорилъ хозяинъ гостямъ такимъ тономъ, какъ бы прося у нихъ извиненія за приглашеніе подобнаго субъекта.

Все время обѣда эта пытка продолжалась въ томъ же духѣ.

Но Пописухинъ человѣкъ не такого закала, чтобы позволить наступить себѣ на мозоль! Нѣтъ! Онъ отомститъ!

* * *

На слѣдующій день титулярный совѣтникъ обратился къ своей совѣтницѣ.

— Какъ ты думаешь, Глафиша, надо бы посбить спѣси съ этихъ поганыхъ Сургучкиныхъ.

— Я сама объ этомъ всю ночь думала. Одно остается—сдѣлать хорошій обѣдъ и пригласить въ свою очередь.

— Да, надо будетъ имъ пыль въ глаза пустить. Этакіе фанфоронишки. Какъ тебѣ понравится—сказать во всеуслышаніе: *бѣдный Пописухинъ, ты какъ волъ работаешь!* Да еще какимъ презрительнымъ тономъ!

— Да. А помнишь, за десертомъ, она кивнула на нашего Сережу головой и сказала: *какъ онъ удивленъ, бѣдняжка!* Вѣдь это ясно, что она хотѣла этимъ сказать:

ты, моль, дома никогда такихъ блюдъ не ѣдалъ!

— А вотъ погодите же! Мы вамъ зададимъ обѣдъ, да еще съ гостями почище вашихъ. Насажали какихъ-то чучелъ, да только и знаютъ поминутно: *ахъ, графъ, не угодно ли вамъ, князь?...*

— Хороши князья да графы!

— Шулера какіе-нибудь или парикмахеры.

— А чего добраго и каторжники бѣглые....

* *
*

Въ ближайшее воскресенье Сургучкины, заранѣе приглашенные, являются къ Попписухинымъ и застаютъ большое разношерстное общество въ какихъ-то сомнительныхъ фракахъ и фантастическихъ мундирахъ.

Announce Пописухинъ, увидя изумленіе Сургучкиныхъ, пришелъ въ восторгъ и, потирая руки, сталъ обходить своихъ гостей.

— Что вы сказали, князь?

— Не прикажете ли закусить передъ обѣдомъ, графъ?

— Не жарко ли вамъ, полковникъ?

Но всѣ замѣтили, что въ средѣ этихъ именитыхъ гостей былъ одинъ, который упорно глядѣлъ въ стѣну, съ тѣхъ поръ какъ Сургучкины взошли въ гостиную.

* *
*

Подали закуску. Именитые гости набросились на нее, уничтожая все, что попадалось имъ подъ руки. Сургучкины съ удивленіемъ смотрѣли на чудовищный аппетитъ и странныя манеры этихъ гостей.

Announcements Пописухинъ разыгрывалъ роль любезнаго хозяина и поминутно приставалъ съ просьбой выпить или закусить.

— Не хотите ли, графъ, свѣжей икорки.... рекомендую-съ—отмѣнная. Или вотъ бѣлорыбица.... Пожалуйста не стѣсняйтесь.

— Покорно благодаримъ.... Мы безъ церемоніевъ.

— Не прикажете ли, графъ Балтакузенъ, хересу?...

— Хересу?... Нѣтъ, мы этого не употребляемъ. А вотъ ежели очищенной соблаговолите—съ удовольствіемъ....

— Мы эфтіихъ херецовъ, можно сказать, совсѣмъ не уважаемъ,—заявлялъ одинъ князь съ краснымъ подозрительнымъ носомъ.—То ли дѣло наша отечественная....

— Мда-съ.... Опять же очищенная и для здоровья лучше — потому кровь полируетъ....

— Это вы вѣрно разсуждать изволите,—басилъ высокій и угрюмый субъектъ, котораго представили Сургучкинымъ подъ именемъ маркиза Балталонъ. Водка лучшее питье, а огурецъ самый лучшій фруктъ для закуски....

* *
*

Когда общество усѣлось за столомъ, то одинъ приборъ оказался пустымъ.

— Ахъ, это графъ Балтакузенъ вышелъ куда-то,—замѣтилъ Announced Announced

— Они-съ пошли на кухню обѣдать.

— На кухню?!!—вскричалъ съ ужасомъ Сургучкинъ.

— Это, знаете, фантазія. Вѣдь у всякаго барона своя фантазія. Ха-ха-ха.

Тѣмъ не менѣе Пописухинъ побѣжалъ звать графа, который спокойно усѣлся у плиты и съ аппетитомъ пожиралъ пирогъ съ визигой.

— Графъ, скотина вы этакая! Вѣдь я васъ нанялъ на цѣлый вечеръ,—вскричалъ возмущенный Пописухинъ.

— Чортъ васъ побери съ вашими деньгами. Не хочу, не пойду,—мнѣ и здѣсь хорошо.

— Ступай, скотина, а не то....

Пописухинъ схватилъ „графа" за рукавъ, но здѣсь произошло нѣчто совсѣмъ неожиданное. „Графъ" далъ своему амфитріону такую увѣсистую пощечину, что кухарка въ ужасѣ побѣжала оповѣщать хозяйку.



Когда гости подъ предводительствомъ хозяйки дома прибѣжали на кухню, то „графъ" собрался улизнуть.

— Канашкинъ, да это ты?! — вскричалъ удивленный Сургучкинъ.

— Виноватъ, ваше высокоблагородіе....

„Графъ“ оказался проворовавшимся сторожемъ изъ департамента....

Таблò!



Дачники.

Дачники.

I.

Жара абиссинская. Пыль подымается тучами съ раскаленныхъ мостовыхъ. Комары носятся цѣлымъ роемъ и немилосердно жалятъ жалкихъ клячъ, лѣниво тащущихъ линейку и кучера, который клюетъ носомъ на козлахъ. Но Ѳома Ѳомичъ Бергамотовъ—единственный пассажиръ этой линейки, ѣдущей черепашьимъ шагомъ—кажется совсѣмъ не замѣчаетъ этихъ неудобствъ.

Забившись въ уголокъ со своими кулечками, узелками и свертками, онъ почти вслухъ мечтаетъ о чемъ-то пріятномъ, закрывая глаза и порой сладко улыбаясь.

— То-то жена обрадуется,—думаетъ онъ, когда узнаетъ, что я сдалъ дачу.... Вѣдь лѣто уже началось,—теперь ужъ дачника и съ фонаремъ не сыщешь. Опять же сто рублей сумма порядочная.... все въ хозяйствѣ пригодится.

И Ѳома Ѳомичъ старался представить себѣ удовольствіе и удивленіе его супруги Клавдіи Ивановны, когда онъ сообщитъ ей объ этомъ счастливомъ событіи. Онъ подбиралъ выраженія и яркими красками описывалъ свою находчивость и тѣ трудности, съ которыми ему удалось залучить дачника.

Скоро окончились городскія предмѣстія и потянулись зеленыя поля и огороды. Наконецъ потянулъ свѣжій вѣтерокъ и мелькнула вдали серебристая лента рѣки.

Ѳома Ѳомичъ очнулся отъ сладкихъ мечтаній и только теперь замѣтилъ, что лошади плелись, еле передвигая ноги.

— Эй, кучеръ!—закричалъ онъ.

— Чаво, — лѣниво отвѣтилъ возница съ просонокъ, подбирая возжи и кнутъ.

— Ты спишь, что ли, каналья?

— Никакъ нѣтъ, баринъ. Зачѣмъ спать?...

— Такъ чтожъ у тебя лошади не бѣгутъ?

— Никакъ невозможно, баринъ.... Потому онѣ, значитъ, устамши....

— Ну, ну, ты не разговаривай.... Ты вотъ подстегни коренника лучше. Совсѣмъ не везетъ.

Еще нѣсколько минутъ и Ѳома Ѳомичъ, высадившись изъ линейки, подходилъ къ двумъ голубятнямъ, съ крышами, раскрашенными въ разноцвѣтные квадратики; эти голубятни онъ громко величалъ своими дачами.

II.

— Клавдія, Клавдія,—кричалъ Бергамотовъ, еще не успѣвъ войти въ палисадничекъ, но замѣтивъ на террассѣ свою супругу, полную, массивную женщину съ заспаннымъ лицомъ.—Какую я тебѣ новость принесъ!

— Какую?

— Какую? А ты вотъ поцѣлуй меня, лапочка, тогда и скажу.

Клавдія Ивановна лѣниво чмокнула мужа въ бритую щеку.

— Ну?—промолвила она вопросительно.

— А я дачу сдалъ за сто рублей.... И деньги получилъ,—Ѳома Ѳомичъ вынулъ изъ кармана сторублевую бумажку и помахалъ ею передъ носомъ Клавдіи Ивановны, какъ бы желая ее увѣрить въ истинности своихъ словъ. Но лицо Клавдіи Ивановны вытянулось.

— Какъ же быть-то?—спросила она.

— То-есть какъ это?

— Да вѣдь я тоже сдала дачу одной дамѣ. И деньги тоже получила, и росписку выдала....

— Вотъ тебѣ разъ! Чтожъ мы теперь будемъ дѣлать? Одну и ту же дачу сдали двумъ жильцамъ! Вотъ исторія.

Ѳома Ѳомичъ задумался. Потомъ онъ вдругъ ударилъ себя по лбу.

— Эврика!

— Это еще кто такой? Опять какая-нибудь безстыжая женщина.... Шашни завелись! Чтобы у меня ни о какихъ Эврикахъ не было и помину....

— На нѣтъ же, папочка. Это значитъ нашелъ.

— Нашелъ! Есть чѣмъ радоваться. Заварилъ кашу—теперь самъ и развязывайся.

— Постой, не таранти.... Мой жилецъ молодой человѣкъ, красивый, приличный и кажется со средствами, а твоя жиличка молода?

— Да.

— Недурна собой?

— Очень даже....

— Дѣвица?

— Нѣтъ, мужняя жена... Только она въ разводѣ съ мужемъ.

— Ну вотъ и отлично! Авось какъ-нибудь поладимъ. Мы познакомимъ ихъ другъ съ другомъ—можетъ-быть они согласятся жить вмѣстѣ. И ей удовольствіе, и ему веселѣе будетъ.

— Ѳома Ѳомичъ, вы всегда, можно сказать, были безъ всякой нравственности, только развѣ я позволю, чтобы у меня въ домѣ и вдругъ такія вещи.

— Та, та, та.... поѣхала! Да я совсѣмъ не объ этомъ. Мы поженимъ ихъ—вотъ это лучше будетъ.

И Бергамотовъ сообщилъ цѣлый планъ

дѣйствій. Чтобы покончить съ колебаніями Клавдіи Ивановны, онъ привелъ самый вѣскій аргументъ.

— Да пойми же, вѣдь намъ-то выгоднѣе. Мы и съ него и съ нея получили за дачу, а жить-то они будутъ вмѣстѣ. Чего же лучше?

III.

На слѣдующее утро кто-то позвонилъ у дверей Бергамотовыхъ. Клавдія Ивановна отперла двери.

— Вы вѣроятно новый жилецъ будете?— спросила она красиваго молодаго человѣка, пріѣхавшаго на извощикѣ съ чемоданомъ.— Пожалуйте-съ въ гостиную.... я сейчасъ вамъ ключъ принесу отъ вашей дачи.

Клавдія Ивановна провела, согласно заговору, жильца въ гостиную, гдѣ его встрѣтилъ Ѳома Ѳомичъ. Онъ усадилъ молодаго человѣка въ кресла и началъ длиннѣйшій разговоръ, чтобы затянуть время. Вдругъ раздался новый звонокъ....

Растворилась дверь и Клавдія Ивановна ввела въ гостиную молодую стройную даму.

— Позвольте васъ познакомить, господа,—

началъ Бергамотовъ.—Этотъ господинъ, сударыня, будетъ вашимъ сосѣдомъ по дачѣ... премилый молодой человѣкъ, доложу я вамъ.

Вдругъ произошло нѣчто неожиданное.

Молодой человѣкъ и дама узнали другъ друга и съ ужасомъ отступили.

— Мой мужъ!

— Моя жена! Слава Богу, что мы въ разводѣ....

— Жить по сосѣдству съ мужемъ!... ни за что—я уѣзжаю завтра же въ Бразилію.

— А я къ сѣверному полюсу, чтобы не встрѣчаться съ вами.

Они бросились къ выходу и моментально разъѣхались.

Черезъ три дня Бергамотовъ сдалъ снова дачу и получилъ такимъ образомъ третій разъ деньги.



Предательская тѣнь.

Предательская тѣнь.

Жидко мерцалъ фонарь въ одномъ изъ отдаленныхъ переулковъ Москвы.

Вѣтеръ, налетая порывами, заставлялъ дребезжать его стекла и колебалъ неровный язычокъ пламени точно лоскутъ какой-нибудь ткани. Свѣтъ фонаря падалъ на искристый снѣгъ и освѣщалъ маленькую, кругленькую фигуру, прижавшуюся къ выступу стѣны. Въ рукахъ фигуры была громадная, сучковатая палка съ желѣзнымъ наконечникомъ.

Это былъ Корнелій Никитичъ Катилиновъ— надворный совѣтникъ и преподаватель латинскаго языка.

Его румяное лицо, покрытое жидкой растительностью, было скорчено въ смѣшную

гримасу страданія. Онъ поминутно снималъ свои очки и вытиралъ запотѣвшія стекла, и тогда на его маленькихъ глазкахъ можно было замѣтить блестѣвшія слезы. Потомъ онъ принималъ грозный видъ и угрожающе махалъ своей толстой палкой.

Снѣгъ безпрерывно падалъ большими хлопьями, которыя, кружась и мелькая по воздуху, осѣдали на землю мягкимъ, пушистымъ ковромъ. Казалось—точно отъ неба и до самой земли были протянуты безконечныя бѣлыя нити....

— Какъ холодно,—думалъ онъ,—поглядывая на освѣщенное окно низенькаго, деревяннаго домика, стоявшаго на другой сторонѣ улицы. Не лучше ли было бы теперь сидѣть въ теплой комнатѣ, чѣмъ шляться въ этакую погоду по улицамъ.... Брр!... и зачѣмъ это она выбрала такой неудобный день.... Впрочемъ терпѣнье, старина!... Терпѣніе и мужество дѣлаютъ героевъ....

Каталиновъ на минуту пріободрялся, стряхивалъ съ себя снѣгъ и крѣпко схватывалъ свою палку. Но черезъ мгновеніе его мысли снова принимали слезливое настроеніе ..

— Что они тамъ дѣлаютъ такъ долго,— говорилъ онъ, стараясь разглядѣть двѣ тѣни, мелькавшія въ освѣщенномъ окнѣ.—Чортъ возьми!... цѣлуются.... разъ, два, три.... еще и еще.... это наконецъ неприлично! Какова голубушка! законный мужъ долженъ стоять на улицѣ, мерзнуть, а она цѣлуется съ постороннимъ мущиной.... Вотъ опять.... нѣтъ, это такъ нельзя оставить.... Опять.... Боже мой, да когда же это наконецъ кончится!... Снова.... Тьфу! никогда не видалъ, чтобы кто-нибудь такъ долго цѣловался....

Корнелій Никитичъ энергично сплевывалъ въ сторону и возмущенный до самой глубины своей кроткой души стучалъ палкой.

Для того чтобы нѣсколько разсѣять себя, онъ пересталъ глядѣть въ окно и принялся оглядывать переулокъ.

Нѣсколько низенькихъ домовъ съ деревянными стѣнами, выкрашенными коричневой краской, дремали подъ снѣговыми шапками. Одинокій бутарь дремалъ на своемъ посту. На углу свѣтились окна питейнаго дома, въ которыхъ были выставлены зеленоватые полуштофы съ водкой и узкія бутылки съ на-

ливкой; освѣщенные изнутри они казались наполненными золотисто-кровавой жидкостью. Изрѣдка оттуда долетали отрывки пьяной пѣсни мастеровыхъ, и скрипъ блока и захлопываемой двери.

Окончивши свой осмотръ, Корнелій Никитичъ, очевидно не найдя ничего утѣшительнаго, снова взглянулъ въ окно противуположнаго дома. Темныя тѣни продолжали двигаться на радужномъ полѣ стекла, разрисованнаго морозами.

— Вотъ и женись послѣ этого!—разсуждалъ самъ съ собой Корнелій Никитичъ.—О, эти женщины.... Я ли не любилъ ее? Чего это ей надобно было.... И вдругъ связаться съ мальчишкой.... промѣнять человѣка солиднаго, съ положеньемъ, съ чиномъ, на какую-то фитюльку.... мразь....

Эта мысль привела Кателинова въ ярость.

Маленькія глазки его засверкали гнѣвомъ. Согнутая фигура выпрямилась, точно стараясь вырости. Одна рука судорожно запахивала воротникъ шубы, а другая безпокойно шевелила палкой.

— Меня не проведешь.... нѣтъ.... Ста-

рый воробей, сударыня.... тоже и виды видалъ на своемъ вѣку. Теперь ужъ ты отпираться не станешь.... Прямо на мѣстѣ преступленія-съ.... съ поличнымъ.... хе, хе, хе!... Ее на хлѣбъ и на воду. А мальчишку....

Корнелій Никитичъ сдѣлалъ нѣсколько краснорѣчивыхъ жестовъ, и палка засвистала по воздуху. Онъ увлекся этимъ занятіемъ, точно уничтожая своего врага. Потомъ вдругъ остановился и посмотрѣлъ на окно.

— Цѣлуются.... опять!... Боже мой, когда же наконецъ.... На глазахъ его опять замелькали слезы. „Измѣнила, измѣнила“ прошепталъ онъ.

Снѣгъ продолжалъ падать. Вѣтеръ со свистомъ гулялъ по пустынному переулку.

— Брр! какъ холодно! Батюшки, ноги совсѣмъ окоченѣли....

Когда же наконецъ!...

Вдругъ огонекъ потухъ....

— Слава Богу,—прошепталъ Корнелій Никитичъ и плотнѣе прижался къ стѣнѣ.— Сейчасъ выйдутъ и.... на мѣстѣ преступленія!...

Жестъ докончилъ его мысль.

Послышался стукъ отворяемаго засова и открылась дверь. На порогѣ появились двѣ фигуры. Это *она* и *онъ*.... Катилиновъ хотѣлъ дать имъ возможность поровняться съ собой и тогда броситься на нихъ съ палкой.

— Ни съ мѣста или смерть!!!—шепталъ онъ и ворочалъ своею палкой.

Но одного не разсчиталъ Катилиновъ. Фонарь, прибитый къ стѣнѣ за выступомъ, находился позади него, и длинная тѣнь отъ его фигуры ложилась на дорогу.

Любовники увидали эту грозную тѣнь съ огромной палкой, нарисованную на снѣгу, и остановились. *Онъ* махнулъ рукой, и стоявшая въ тѣни около дома карета, которую не замѣтилъ Катилиновъ, подъѣхала. Любовники усѣлись въ нее и, прежде чѣмъ Корнелій Никитичъ успѣлъ сообразить, карета съ грохотомъ, скрипя по морозному снѣгу колесами, помчалась.

Онъ услышалъ звонкій смѣхъ, увидѣлъ мелькнувшую въ окнѣ бѣлокурую головку, бѣленькія ручки. Скоро вдалекѣ затихъ и грохотъ колесъ, и серебристыя трели женскаго хохота....

Корнелій Никитичъ остался одинъ среди пустынной улицы, безсмысленно глядя во слѣдъ удалившейся кареты и ворочая палкой.

Снѣгъ продолжалъ падать. Фонарь тускло догоралъ въ пустомъ переулкѣ....



Не въ тотъ дубъ.

Не въ тотъ дубъ.

I.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!—рѣшительно проговорила Вѣрочка Чижикъ и сдѣлала серіозное личико.

— Почему же нѣтъ?—приставалъ къ ней Петя Козелковъ, гимназистъ седьмаго класса.—Я прошу васъ выйти сегодня вечеромъ въ садъ на свиданіе. Я долженъ вамъ многое сказать....

— Что, напримѣръ?

— Что.... я васъ люблю!

— И только-то.... А я думала, что-нибудь поинтереснѣе. Это вы уже двѣ недѣли твердите мнѣ каждый день.

— Какая вы злая!

— Ничуть. Еслибы я была злая, я бы не сидѣла съ вами вдвоемъ, не позволяла бы вамъ цѣловать мои руки, наконецъ....

— Что, наконецъ?

— Ахъ, отстаньте пожалуйста. Сказала: не приду. Еще что выдумалъ! Вотъ еслибы узнала Маргарита Августовна, моя гувернантка.

— Чухонская вобла! Очень я испугался!

— Или вашъ гувернеръ, Илья Степановичъ?

— Я кажется не мальчикъ.... Такъ вы не придете на свиданіе?

— Нѣтъ!

— Это ваше послѣднее слово?

— Да!

Козелковъ мрачно отошелъ въ сторону и присоединился къ другимъ гостямъ, наполнявшимъ залы богатаго помѣщичьяго дома Чижика.

Вѣрочка нѣсколько минутъ смотрѣла ему въ слѣдъ съ саркастической улыбкой. Потомъ ей вдругъ пришла мысль.

— Пожалуй онъ еще что-нибудь съ со-

бой сдѣлаетъ.... застрѣлится или утопится! Ахъ, что я надѣлала!

Личико Вѣрочки поблѣднѣло и она бросилась отыскивать Козелкова. Найдя его среди другихъ гостей, она выбрала удобную минуту и шепнула ему на-ухо:

— Завтра утромъ отправляйтесь къ дубу, который растетъ на лужайкѣ, передъ цвѣтникомъ.... Въ дуплѣ вы найдете записку....

II.

На террасѣ, въ темномъ уголкѣ, скрытые растеніями, сидѣли Маргарита Августовна Штокфишъ и Илья Степановичъ Вознесенскій.

— Когда же, очаровательная Маргарита Августовна, вы удостоите меня вашимъ вниманіемъ,—говорилъ Вознесенскій, стараясь заглянуть въ зеленые глаза гувернантки, перезрѣлой дѣвы лѣтъ за тридцать.

— Ахъ, что фи кафаритъ, Илья Степановичъ!—конфузилась жеманно Маргарита Августовна.—Меня вамъ всегда большой вниманій показывалъ. Развѣ я вамъ не свя-

залъ шулки къ именинъ, развѣ вы не полюшилъ вязана фуфайка на вашъ гебурстагъ?...

— Все это такъ! Только мнѣ этого мало. Вотъ еслибы вы меня безешкой наградили бы, тогда дѣло десятаго рода.

— Ахъ, что вы! Какъ можно! Мой шестны дѣвушка.... Я будетъ сичасъ укадилъ....

— Тьфу! вотъ, нѣмецкая колбаса,—плюнулъ въ сторону Илья Степановичъ.—Еще ломается, точно институтка. Добро бы еще красавица была, а то рожа такая, что и на кривой кобылѣ въ три дня не объѣдешь.... Бѣда моя, что на двадцать верстъ во всей округѣ ни одной женщины нѣтъ порядочнаго званія....

— Маргарита Августовна,—громко началъ Илья Степановичъ....

Въ это время на террассу вошло нѣсколько человѣкъ. Маргарита Августовна, покраснѣвъ до кончика своего длиннаго, какъ у цапли, носа, поспѣшила скрыться. Но уходя, она шепнула Вознесенскому:

— Завтра утромъ, фи найдетъ мой письмо въ дупло большой дубъ, котори стоитъ на лужайкѣ, около свѣтникъ.

III.

Еслибы кто-нибудь изъ гостей Чижика вышелъ погулять ночью въ садъ, то замѣтилъ бы въ окнахъ комнатъ Вѣрочки и Маргариты Августовны свѣтъ.

Часовъ около двухъ огонь потухъ въ комнатѣ Вѣрочки, и она, закутанная въ шаль, вышла въ садъ. Осторожно спустившись съ террасы, она побѣжала въ цвѣтникъ и остановилась на площадкѣ, гдѣ росли два гигантскихъ, дуплистыхъ дуба.

— Вотъ тебѣ и разъ,—подумала Вѣрочка.—Вѣдь здѣсь два дуба. А я давеча забыла сказать, въ какомъ изъ нихъ. Впрочемъ все равно—онъ посмотритъ въ обоихъ!

И Вѣрочка торопливо сунула свою записку въ дупло лѣваго дуба. Затѣмъ она тихонько вернулась къ себѣ въ комнату и легла въ постель.

Не успѣла еще Вѣрочка заснуть, какъ потухъ огонекъ въ комнатѣ гувернантки. Она тоже вышла въ садъ и поспѣшила на лужайку, гдѣ росли два описанные уже дуба.

Она проворно сунула письмо въ дупло праваго дуба и поспѣшила вернуться назадъ.

IV.

Плохо спалось въ эту ночь Козелкову. Онъ двадцать разъ вставалъ съ постели, принимался читать и снова ложился въ кровать, стараясь забыться, чтобы скорѣе дождаться утра.

Наконецъ солнце озолотило верхушки деревьевъ и Петя, наскоро одѣвшись, побѣжалъ въ садъ. Черезъ минуту онъ былъ уже около дубовъ. Тутъ онъ остановился въ нерѣшительности.

— Ба!—наконецъ закричалъ онъ,—поищемъ въ обоихъ. Начнемъ съ этого!

Онъ засунулъ руку въ лѣвый дубъ, гдѣ лежала записка Штокфишъ. Вытащивъ свернутую бумажку, Петя промолвилъ.

— Вотъ и нашелъ сразу! Посмотримъ, что здѣсь написано.

На маленькомъ лоскуткѣ бумаги стояло четыре слова: „вечеромъ въ угловой бесѣдкѣ“. Но этого вполнѣ было достаточно для

Пети и онъ удалился, весело напѣвая какой-то романсъ.

Послѣ него явился Вознесенскій. Онъ пошарилъ въ обоихъ дуплахъ и нашелъ наконецъ лаконическую записку, въ которой ему назначалось свиданіе въ гротѣ около бесѣдки.

— Наша взяла!—закричалъ гувернеръ и ушелъ, весьма довольный своей находкой.

V.

Наступилъ теплый лѣтній вечеръ.

Петя и Вознесенскій сидѣли уже въ назначенныхъ мѣстахъ, въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга, конечно не подозрѣвая объ этомъ сосѣдствѣ. Оба смотрѣли на луну и мечтали....

Вдругъ раздвинулись кусты и мелькнула чья-то тѣнь. Она проскользнула въ угловую бесѣдку, гдѣ сидѣлъ Петя. Сердце его забилось....

Но вмѣсто Вѣрочки онъ услышалъ тихій голосъ гувернантки, похожій на карканье вороны.

— Гдѣ ви, Илья Степанычъ?

— Нужно молчать, — подумалъ Петя, — иначе я погибъ. Онъ кашлянулъ.

Вдругъ ему на шею бросилась Маргарита Августовна и начала душить его своими поцѣлуями.

— Вотъ такъ исторія,—подумалъ Козелковъ....

Въ эту минуту раздался ужасный крикъ. Гувернантка выпустила свою жертву и вышла изъ бесѣдки.... За ней послѣдовалъ и Петя, догадавшись о причинѣ крика, и они увидѣли слѣдующую картину.

Вѣрочка, блѣдная и трясущаяся, выбѣжала изъ грота, за ней послѣдовала какая-то фигура, шмыгнувшая мгновенно въ кусты. Однако Петѣ удалось разглядѣть Илью Степаныча. Увидѣвъ свою гувернантку, Вѣрочка бросилась къ ней.

— Что съ тобой, мой ангелъ?—спросила Маргарита Августовна.

— Ахъ! еслибы вы знали. .. Я вошла въ гротъ.... и вдругъ меня обнялъ какой-то мущина съ жесткими усами. Какой ужасъ!

— Какъ ты узналъ, что у него шестки усы?

— Онъ меня.... поцѣловалъ!...

Вѣрочка спрятала свое пылающее личико на груди гувернантки, а сконфуженный Петя поспѣшилъ укрыться.



Женихъ.

Женихъ.

I.

Солнце уже высоко стояло на небѣ, когда Аркадій Петровичъ Канканчиковъ проснулся. Нѣсколько минутъ онъ сладко протягивался и жмурился, какъ котъ на солнце, стараясь вызвать какое-то смутное воспоминаніе. Но голова точно налитая свинцомъ отказывалась работать. Съ похмѣлья онъ чувствовалъ себя скверно....

— Эй, Иванъ, рюмку коньяку,—крикнулъ Канканчиковъ, и только прочиствивъ горло этимъ благороднымъ напиткомъ, онъ почувствовалъ себя лучше.

— Гдѣ это я вчера такъ натрескался,—

началъ онъ соображать.—Кажись былъ у Свищовыхъ. Да, у нихъ.... экъ, это меня угораздило нахлестаться. Поди еще какую-нибудь пакость учинилъ у нихъ....

Вдругъ воспоминаніе точно молнія освѣтило память Аркадія Петровича. Онъ схватился обѣими руками за голову и закричалъ.

— Что я надѣлалъ! Что я надѣлалъ!

Теперь онъ совершенно ясно припоминалъ вчерашній вечеръ. Онъ былъ у Свищовыхъ на дачѣ. Свѣтила полная луна. Въ кустахъ гдѣ-то рыдалъ соловей. Воздухъ казалось былъ напоенъ какимъ-то веселящимъ эфиромъ. Что-то такое странное подступало къ горлу и щекотало въ груди. Ему хотѣлось или плакать, или смѣяться, или обнимать и цѣловать кого-нибудь безъ конца. Въ этакіе вечера юноши объясняются въ любви, пьяницы плачутъ и называютъ себя подлецами, желѣзнодорожники готовы покаяться во всѣхъ своихъ прогрѣшеніяхъ....

Аркадій Петровичъ гулялъ съ Лидочкой, двадцатипятилѣтней дочкой Свищовыхъ, маленькой, сантиментальной блондиночкой, вѣчно страдающей насморкомъ и потребностью

всему удивляться. Подъ вліяніемъ чуднаго вечера Канкапчиковъ растаялъ. Онъ прижималъ локтемъ ручки Лидочки, говорилъ ей какія-то странныя вещи, декламировалъ стихи, вздыхалъ и пѣлъ нѣжные романсы.

За ужиномъ папà и мамá Свищовы были съ нимъ черезчуръ любезны, Лидочка ежеминутно подливала вина въ его стаканъ, а за деревьями свѣтила волшебная луна и соловей рыдалъ вдали.... Какое-то блаженное состояніе охватывало Аркадія Петровича. Дѣйствительность и фантазія какъ то странно перемѣшивались. Голова его наклонялась все ближе и ближе къ Лидочкѣ и ея блѣдное личико съ косенькими глазками казалось ему чудно-прекраснымъ.

Послѣ ужина Канканчиковъ какимъ-то образомъ очутился наединѣ съ Лидочкой въ садовой бесѣдкѣ. Тутъ онъ бросился на колѣни и сталъ говорить ей о своей страстной любви и просить ея руки. Неожиданно появились папа и мама Свищовы и стали его горячо обнимать и поздравлять....

— Что мнѣ теперь дѣлать,—продолжалъ размышлять Канканчиковъ, — жениться на

Лидочкѣ—вѣдь это сумасшествіе. Отказаться—скандалъ и притомъ же придется обидѣть этихъ добродушныхъ людей.

Вдругъ свѣтлая мысль пришла въ голову Канканчикова.

— Ба! Отлично.... Такъ и сдѣлаемъ.

II.

Въ два часа дня Канканчиковъ былъ уже на дачѣ у Свищовыхъ. Его встрѣтили весьма любезно. Папа и мама Свищовы были въ въ восторгѣ отъ блестящей партіи, которую должна была сдѣлать Лидочка, такъ-какъ Канканчикова считали богатымъ помѣщикомъ.

Послѣ вкуснаго обѣда Аркадій Петровичъ удалился въ кабинетъ Свищова. Они закурили сигары и усѣлись на диванѣ.

— Афанасій Григорьевичъ,—началъ Канканчиковъ,—я къ вамъ съ маленькой просьбой. Видите ли, это дѣло нѣсколько щекотливаго характера, но вѣдь мы съ вами почти родственники.... Я.... я.... мнѣ необходимо полторы тысячи рублей.... Сумма, конечно, пустячная, не правда ли?

— Гм!

— Въ другое время я не сталъ бы васъ безпокоить. Но теперь я нѣсколько въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ.... Я весь свой доходъ съ имѣнія уплатилъ въ банкъ....

— Какъ, развѣ ваше имѣніе заложено?

— Какъ же-съ.... и очень дорого, такъ-что доходовъ еле хватаетъ на проценты.... между тѣмъ жить надо. Притомъ у меня кое-какіе долги.... такъ, пустяки, всѣ карточные....

— Вы играете въ карты??!

— Приходится.... знаете, у насъ въ глуши безъ этого невозможно. Водка, карты— это ужъ такое положеніе.

— Гм! Однако....

— Такъ какъ же, Афанасій Петровичъ, насчетъ денегъ-то?

— Хорошо.... я подумаю,—сухо отвѣтилъ папа Свищовъ.

III.

Выйдя изъ кабинета, Канканчиковъ столкнулся съ матерью Лидочки, Варварой Марковной. Онъ галантно поцѣловалъ ей руку

и назвалъ ее маменькой, при этомъ онъ не преминулъ наступить на хвостъ Бижулькѣ, ея любимой собачонкѣ.

— Противная собачонка!—крикнулъ Аркадій Петровичъ.—Вѣчно подъ ноги лѣзетъ, несносная тварь.

— Развѣ вы не любите собакъ?—спросила Варвара Марковна почти со слезами на глазахъ, лаская Бижульку.

— Терпѣть не могу такихъ маленькихъ. У меня въ деревнѣ цѣлая свора собакъ, всѣ овчарки, волкодавы, доги. Ростомъ съ теленка, человѣка загрызутъ....

— У, страсти какія.... Зачѣмъ же вы ихъ держите?

— У насъ иначе нельзя. Глушь—кругомъ ни души. Придутъ разбойники и всѣхъ перерѣжутъ.

— Ахъ, Господи!

— Или краснаго пѣтуха пустятъ. У насъ каждую недѣлю три, четыре грабежа или убійства....

— И вы не боитесь жить?

— Что же подѣлаешь? Такъ одѣтымъ и сплю съ ружьемъ и шапкой....

— Батюшки!—Старуха всплеснула руками и выбѣжала изъ комнаты.

Аркадій Петровичъ пошелъ отыскивать Лидочку.

IV.

На террассѣ, около жардиньерки съ цвѣтами, сидѣла Лидочка и задумчиво глядѣла на небо.

При видѣ Канканчикова, ея косенькіе глазки прищурились, вздернутый носикъ сморщился улыбкой и она указала на скамеечку у своихъ ногъ.

— Садитесь, Аркадій.

Канканчиковъ сѣлъ у ея ногъ и сжалъ ея маленькіе, худенькіе пальчики.

— Я не спалъ всю эту ночь,—началъ онъ.

— Отчего же это?

— Все думалъ о васъ.

— Какой вы льстецъ!

— Ничуть.... я представлялъ себѣ, какой счастливой жизнью мы заживемъ. На другой же день свадьбы уѣдемъ въ деревню. Тамъ,

на лонѣ природы, мы будемъ коротать нашу любовь. Мы будемъ вставать рано, каждый день до восхода солнца....

Лидочка скорчила печальную гримаску.

— Сейчасъ же я буду уѣзжать въ поле, а вы будете хлопотать по хозяйству.... Сходить на скотный дворъ, накормить куръ, поросятъ, свиней, выдать провизію, провѣрить счета....

Личико Лидочки вытянулось еще длиннѣе.

— Потомъ я пріѣду съ поля.... грязный, усталый.... Сядемъ за столъ. Послѣ обѣда я отправлюсь на сѣновалъ отдохнуть....

— Спать?!!

— Конечно.... За день устанешь какъ собака—какъ тутъ не отдохнуть. Вечеромъ пріѣдутъ гости: сельскій учитель, пономарь, уѣздный фельдшеръ, просвирня.... Поиграемъ въ картишки и потомъ на боковую....

На глазахъ Лидочки блеснули слезы.

— А когда же занятія интиллегентныя.... чтеніе, музыка?—спросила она дрогнувшимъ голосомъ.

Канканчиковъ расхохотался.

— Чтеніе, музыка.... Да при нашихъ земскихъ дорогахъ газеты приходитъ черезъ три мѣсяца и то не всегда.... какія тутъ интеллигентныя занятія....

Лидочка задумалась и уныло опустила голову.

На слѣдующее утро Канканчиковъ получилъ записку.

„Милостивый государь,—гласила она,— по зрѣлому размышленію,—я и жена моя пришли къ заключенію, что вы не можете составить счастье нашей дочери, и потому должны отклонить ваше предложеніе. Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи.

„Вашъ Афанасій Свищовъ“.

— Браво!—закричалъ Канканчиковъ, прочитавъ это письмо. Хитрость удалась вполнѣ.



Похищеніе.

Похищеніе.

Аделаида Петровна, дѣвица не первой молодости, но съ весьма округленнымъ приданымъ, получила по-утру на чайномъ подносѣ два письма.

— Два бильеду! Ахъ, какое счастье!

И сантиментальная дѣвица захлопала ручками съ такимъ рвеніемъ, что съ ея головы скатились двѣ папильотки.

„....Видѣть васъ и не любить, невозможно. Когда вы положите конецъ моимъ страданіямъ? Вашъ по гробъ Персиковъ“.

— Ахъ, какъ онъ поэтиченъ! Но что же я ему отвѣчу? Посмотримъ, что пишетъ другой:

„....Видѣть васъ и не любить—невозможно. Когда вы положите конецъ моимъ страданіямъ? Вашъ Померанцевъ“.

— Однако, какъ это странно! Можно подумать, что они вмѣстѣ сотрудничали. Но говорятъ, каковъ стиль—таковъ человѣкъ; значитъ они оба одинаковы. Кого же выбрать?

Бѣдная дѣвица долго ломала себѣ голову, взвѣшивая на вѣсахъ качества обоихъ своихъ рыцарей, но никакъ не могла пожертвовать однимъ для другаго.

— Ахъ, вотъ что я сдѣлаю! Я предложу каждому изъ нихъ похитить меня. Посмотримъ, кто изобрѣтательнѣе.

Не откладывая въ долгій ящикъ, Аделаида Петровна присѣла къ столику и написала двѣ записочки одного и того же содержанія:

„Ваша любовь меня трогаетъ. Но я ненавижу все банальное. Вы должны меня похитить и похитить самымъ оригинальнымъ способомъ“.

Записки тотчасъ полетѣли—одна къ Персикову, другая къ Померанцеву.

Бѣдные молодые люди! Они ломали себѣ головы, чтобы изобрѣсти что-нибудь геніальное.

Наконецъ Аделаида Петровна дождалась отвѣта.

Персиковъ предлагалъ спуститься ночью на рѣку у Драгомиловскаго моста, взобраться на плотъ и обрубить канаты. Плотъ принесетъ прямо къ Воробьевымъ горамъ.

— Это недурно,—подумала Аделаида Петровна, — ночь, серебристая рѣка, плотъ.... Но зачѣмъ же Воробьевка? Не лучше ли было бы ѣхать куда-нибудь въ Неаполь или Венецію.

Померанцевъ съ своей стороны предлагалъ перелѣзть черезъ заборъ Зоологическаго сада и, тайкомъ сѣвъ въ корзинку воздушнаго шара, который приготовлялся къ празднику, уѣхать куда глаза глядятъ.

— Ахъ, это очаровательно! Чудесно! Какой онъ душка, Померанцевъ.

* *
*

Въ условленный часъ ночи Аделаида Петровна, закутанная, какъ-будто собиралась

къ эскимосамъ, подошла къ забору Зоологическаго сада. Померанцевъ ее уже поджидалъ.

— Все устроено, дорогая Аделаида Петровна. Я подкупилъ сторожей.

Затѣмъ влюбленная парочка не безъ трудностей перелѣзла по веревочной лѣстницѣ черезъ заборъ. Въ центрѣ сада, на площадкѣ колыхался плѣненный аэростатъ. Подкупленный сторожъ стоялъ наготовѣ у канатовъ.

— Балластъ не забытъ?—спросилъ Померанцевъ.

— Не извольте безпокоиться,—отвѣчалъ сторожъ.

Похититель и его жертва сѣли въ корзинку и легкокрылый гигантъ вознесъ ихъ подъ облака во мгновеніе ока.

— Ахъ, какая панорама! — захлебываясь Аделаида Петровна отъ восторга.

Залитая свѣтомъ луны, Москва дремала и только пьяная икота неслась изъ Замоскворѣчья.

— Это ваша провизія?—спросила Аделаида Петровна, указывая на большой мѣшокъ на днѣ корзинки.

— Нѣтъ, это балластъ. Зачѣмъ провизія?

— Да вѣдь мы ѣдемъ далеко.

— На Воробьевку, не дальше.

— Что вы! Нѣтъ, я не согласна; я хочу далеко, въ Италію, въ Испанію.

— Въ такомъ случаѣ намъ надо подняться повыше. Я сейчасъ выброшу балластъ. Вы кажется сказали „нѣтъ“?

— Я ничего не говорила.

Разочарованная Аделаида Петровна уже сожалѣла, что не воспользовалась плотомъ Персикова.

— Какъ жаль, что я не поѣхала на плоту,—вполголоса сказала она.—Вы кажется сказали „да“?

— Нѣтъ, я ничего не говорилъ,—отвѣтилъ Померанцевъ, подозрительно глядя на мѣшокъ балласта.

Вдругъ какая-то идея блеснула у него въ головѣ и онъ бросился развязывать мѣшокъ. Чрезъ минуту оттуда вылѣзъ Персиковъ!

— А, вы думали что провели меня!—ревѣлъ Персиковъ. — Нѣтъ! меня никто не проведетъ! Милостивый государь, извольте

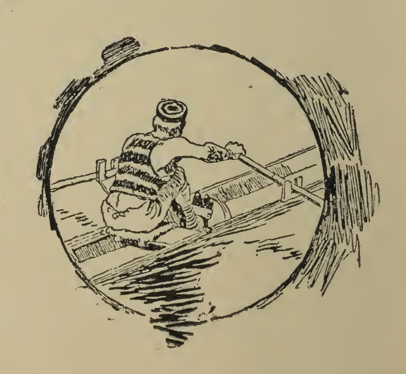
къ барьеру, вотъ пара пистолетовъ. Безъ разговоровъ.

Аделаида Петровна не успѣла хорошенько упасть въ обморокъ, какъ два выстрѣла уже успѣли грянуть и два бездыханныхъ тѣла полетѣли въ пространство....



Шаръ, облегченный вѣсомъ, устремился съ злосчастной дѣвицей въ высоту.

Онъ виднѣется съ земли черной точкой и до сихъ поръ приводитъ въ отчаяніе астрономовъ, которые не знаютъ ея происхожденія....



Чужая жена.

Чужая жена.

~~~~~

У Семена Ивановича Куроцапова былъ балъ.

Всѣ залы стариннаго помѣщичьяго дома были освѣщены а giorno. Разношерстное провинціальное общество толкалось по комнатамъ, обрывая барынямъ шлейфы и наступая другъ другу на мозоли. Старички усѣлись „винтить“; мущины посолиднѣе курили въ буфетѣ и вели разговоры о политикѣ, запивая ихъ коньякомъ и закусывая семгой; молодежь танцовала до упаду. Всѣмъ было жарко, весело и, главное, всѣ чувствовали себя совершенно какъ дома.

Самъ Куроцаповъ былъ на вершинѣ блаженства. Его маленькіе глазки сіяли отъ
~~~~~

восторга, красныя щеки лоснились. Лысина блестѣла какъ тульскій самоваръ. Онъ леталъ изъ угла въ уголъ, какъ резиновый мячикъ, горячо пожималъ руки своимъ гостямъ, ласково трепалъ по животу пріятелей и отпускалъ армейскіе комплименты полногрудымъ, какъ деревенскія кормилицы, дѣвицамъ.

Однимъ словомъ, всѣ веселились, какъ только умѣли веселиться въ доброе старое время и веселятся еще теперь только въ провинціи.

Послѣ ужина Семенъ Ивановичъ почувствовалъ себя немножко усталымъ. Оставивъ свою молодую супругу, Ольгу Дмитріевну, исполнять обязанность хозяйки, Куроцаповъ отправился отыскивать укромный уголокъ, чтобы немножко отдохнуть.

Пройдя цѣлую анфиладу комнатъ, онъ очутился въ маленькой круглой гостиной. Она слабо освѣщалась красноватымъ японскимъ фонарикомъ. На полу лежали мягкіе ковры, заглушавшіе шумъ шаговъ. Повсюду стояли жардиньерки съ цвѣтами, высокія пальмы, китайскія ширмочки и низкіе мяг-

кіе диваны, которые такъ и манили къ себѣ отдохнуть. Эта комната, имѣющая массу укромныхъ темныхъ уголковъ, какъ будто нарочно была сдѣлана для свиданій влюбленныхъ.

Семенъ Ивановичъ забился въ темный уголъ, съ наслажденіемъ протянулъ свои ноги на атласномъ диванчикѣ и закурилъ сигару. Сладкая истома разливалясь по его тѣлу. Въ головѣ лѣниво бродили мысли и отрывки какихъ-то впечатлѣній. Онъ чувствовалъ себя довольнымъ и безконечно счастливымъ...

И въ самомъ дѣлѣ, что нужно было еще Куроцапову? Онъ былъ богатъ, окруженъ комфортомъ; у него было прекрасное пищевареніе и еще сохранилась цѣлая половина зубовъ. Онъ былъ здоровъ, еще не старъ и, въ добавокъ ко всему этому, онъ недавно только женился на молоденькой красавицѣ-женушкѣ, которую онъ обожалъ и которая также любила его... Положительно не было счастливѣе его человѣка во всей подлунной...

Глаза Семена Ивановича начали слипаться. Дыханіе его становилось ровнѣе. Въ же-

лудкѣ слышалось тихое урчаніе. Онъ уронилъ сигару и забылся сладкимъ сномъ.

***

Что это такое?

Чьи-то шаги, потомъ шорохъ и тихіе голоса?.... Семенъ Ивановичъ проснулся и сталъ осовѣвшими глазами оглядываться кругомъ. Надъ нимъ свѣсились лапчатые листья пальмы. Издалека неслись звуки музыки. Въ комнатѣ царилъ красноватый полумракъ...

Затѣмъ Куроцаповъ все припомнилъ. Онъ широко улыбнулся и опустилъ ноги на полъ.

— Я, кажется, тово...—подумалъ онъ,—изрядную высыпку задалъ.—Теперь нужно пойти къ гостямъ, а то, чего-добраго, еще обидятся!

Онъ хотѣлъ было встать, какъ услышалъ снова тихій шепотъ. Семенъ Ивановичъ прижался въ темный уголокъ и сталъ наблюдать. На порогѣ гостиной вырисовалась стройная женская фигурка. Она юркнула въ темный уголокъ и усѣлась на диванѣ. Семенъ Ивановичъ не успѣлъ разглядѣть ея лица.

Вслѣдъ за женщиной появилась другая фигура, которую Куроцапову удалось узнать сразу.

— Те, те, те! да вѣдь это каналья Канашкинъ,—ворчалъ Семенъ Ивановичъ... Амурное рандеву навѣрное назначилъ... Посмотримъ, это очень интересно.

— Какъ я счастливъ, дорогая моя, что вы согласились назначить мнѣ свиданіе, — началъ Канашкинъ.

— Тсс!... ради Бога не такъ громко. Насъ могутъ услышать...

Канашкинъ проскользнулъ въ темный уголокъ и усѣлся рядомъ съ молодой женщиной. Онъ взялъ ее за руку и о чемъ-то жарко сталъ говорить.

— Этотъ Канашкинъ ужасный нахалъ,—думалъ Семенъ Ивановичъ. — Чертовски смѣлъ съ женщинами... Впрочемъ такъ съ ними и слѣдуетъ—смѣлость, быстрота и натискъ!... Мда-съ! Кто это, однако, могъ быть съ нимъ? Гм! я думаю, что это жена Прошкина... ну да, она и есть, безъ всякаго сомнѣнія... Молодецъ, Канашкинъ, браво!

Семенъ Ивановичъ не спускалъ глазъ съ

влюбленной парочки. Онъ видѣлъ, какъ Канашкинъ наклонялся все ближе и ближе къ своей собесѣдницѣ. Вотъ онъ нагнулъ голову и сталъ осыпать поцѣлуями ея ручки.

— Смѣлѣй, смѣлѣе...—мысленно поощрялъ его Куроцаповъ. Чѣмъ прямѣе къ цѣли, тѣмъ лучше... А мужъ-то, мужъ-то?... по дѣломъ ему, старому дураку, не зачѣмъ было на молоденькой жениться... Молодецъ Канашкинъ! такъ ее... такъ! смѣлѣе на абордажъ.

Канашкинъ уже цѣловалъ голыя плечики красавицы, которая слабо сопротивлялась и вздрагивала при каждомъ звукѣ, доносившемся изъ залы.

Семенъ Ивановичъ едва удерживался отъ хохота. Одна мысль, что его злѣйшему врагу Прошкину наставили рога, приводила его въ телячій восторгъ. Онъ сидѣлъ точно на уголькахъ и едва сдерживался отъ радостныхъ восклицаній. Онъ прислушивался къ отдѣльнымъ словамъ, долетавшимъ до него, но ничего не понималъ, такъ-какъ влюбленные говорили по-французски, а Семенъ Ивановичъ кромѣ „бонжура“ и „сакъ-вояжъ“

ничего не зналъ на языкѣ благородныхъ галловъ.

— Парле ву франсе?... ничего не понимe!...—шепталъ онъ.—Впрочемъ все равно... навѣрное бранятъ мужа. Такъ ему и надо, старой кикиморѣ. Если ужъ женился на молоденькой, такъ смотри въ оба... Нѣтъ, и Канашкинъ-то каковъ? Вотъ ужъ никогда не думалъ, что онъ такой ловкачъ...

Влюбленные ворковали какъ голуби. Глаза молодой женщины блестѣли въ темнотѣ какъ два черные бриллiанта. Голова Канашкина наклонялась все ближе и ближе. Наконецъ губы ихъ слились и прозвучалъ поцѣлуй. Рука Канашкина легла вокругъ талiи молодой женщины.

— Браво! брависсимо! бисъ! —какъ сумасшедшiй закричалъ Куроцаповъ, бѣшено аплодируя и топая ногами. Онъ былъ не въ силахъ удержать своего восторга...

* * *

Влюбленные вскочили. Въ комнатѣ послышался истерическiй крикъ и тяжелое тѣ-

ло упало на полъ. Изъ сосѣднихъ залъ гости бросились въ гостиную. Когда принесли свѣтъ, то оказалось, что Ольга Дмитріевна, молодая супруга Куроцапова, лежала въ обморокѣ и около нея стоялъ, блѣдный и сконфуженный, Канашкинъ.

— Милостивый государь! грозно произнесъ Семенъ Ивановичъ,—оружіе, время и мѣсто?

— Шпаги, завтра... въ Калькутѣ!—мрачно отвѣчалъ Канашкинъ.



Солнечное затмѣніе.

Солнечное затмѣніе.

Пять часовъ утра. Воробьевы горы укутаны густымъ, слезливымъ туманомъ. Въ воздухѣ сыро, холодно, неуютно; звуки не въ состояніи пронизать атмосферу: они какъ-то шлепаются о землю. Отъ знаменитой панорамы на Москву остался только бѣлесовато-грязный фонъ, да змѣящаяся полоска рѣки.

Каждыя десять минутъ прибываетъ „паровая конка“, и выбросивъ толпу, снова скрывается въ туманѣ. Вереница „ванекъ“ вязнетъ въ намокшей глинѣ, и въ воздухѣ несмѣнно висятъ отборнѣйшія выраженія извощичьяго жаргона.

**
*

Ресторанъ набитъ биткомъ. Большинство публики вооружено нелѣпыми картонными трубками, нѣкоторые запаслись копчеными стеклами и весьма немногіе биноклями. Изъ дальняго угла несется чтеніе по складамъ брошюры о солнечномъ затмѣніи.

....„Явленіе сіе сопряжено было испоконъ вѣка съ народными повѣрьями. Думали, что вслѣдъ за феноменомъ идетъ моръ, война, гладъ“....

— Да будетъ тебѣ, Иванъ Митричъ! Поди, тридцатый разъ читаешь. Неужто не выучилъ наизустъ?

— Да ты только сообрази, дура, вѣдь послѣ феномента....

— Нечего мнѣ соображать—ты вотъ лучше выпей еще рюмочку, да и мнѣ налей—вся иззябла.

— То-то, иззябла, а ты думаешь даромъ. Нѣтъ, вотъ въ газетахъ пишутъ только черезъ пятьдесятъ одинъ годъ этакой штуки дождешься.

— Батюшки свѣты!—раздается старушичій крикъ,—гдѣ же затмѣніе показываютъ?

— Отмѣнено, бабушка,—острить купчикъ, уже въ сильномъ градусѣ.

— Экая напасть, родимый! А я-то всю ночь отъ Калуцкой плелась.

— Не вѣрь ему, бабушка, будетъ затмѣніе, повремени маленько.

— Ну, то-то, а я и повѣрила. А тебѣ грѣхъ, родимый, надъ старухой смѣяться.

— Да ты зачѣмъ, собственно, приплелась, бабушка? Нѣшто это твоего ума дѣла?

— По дѣлу, родимый. Мнѣ знахарка велѣла, отъ ревматизму, говоритъ, лучшее лѣкарство.

— Вотъ какъ? А отъ иморозя не помогаетъ?

— Не понимаю, батюшка, по-вашему, поученому. Можетъ и отъ него помогаетъ.

Старуха, провожаемая дружнымъ смѣхомъ, забивается въ уголъ, гдѣ ее какая-то толстая купчиха угощаетъ чайкомъ.

* *
*

Публики все прибываетъ и прибываетъ.

Гнилая терраса поскрипываетъ. Большинство начинаетъ терять терпѣніе, многіе уже относятся къ грядущему феномену скептически.

— Какой безпорядокъ,—волнуется дама въ пенснэ,—объявляютъ въ 6 часовъ безъ четверти, а теперь уже скоро семь.

— Можетъ-быть ты спутала, Адель? — робко вставляетъ супругъ.

— Молчите вы, извергъ! Тиранъ! вамъ пріятно будетъ, если я простужусь и умру, я это давно знаю.

— Дорогая Адель, вѣдь ты же сама хотѣла....

— Молчите, чудовище, вы меня уморите!...

— Ай-да барынька! бой-баба, неча сказать!—считаетъ долгомъ принять участіе въ разговорѣ сидящій рядомъ купецъ.

— Вы, милостивый государь, невѣжа, нахалъ!

— Ишь-ты, лается-то по-нашему. Эхъ, господинъ, господинъ, нѣшто можно бабу до эвтакихъ предѣловъ распустить?

— Иванъ Митричъ, оставь, чего суешься

не въ свое дѣло!—дергаетъ купца супруга.

— Нѣтъ, Марковна, паагоди. Еслибы къ примѣру ты бы меня при всемъ народѣ чудовищемъ бы обозвала? Чтобы я тебѣ сдѣлалъ? Отвѣчай!

— Вотъ видите, ужасный человѣкъ, до чего вы меня довели! Всякій мужикъ мнѣ дерзости говоритъ. О извергъ! а!. . а!... а!

Купецъ стучитъ кулакомъ по столу, барыня падаетъ въ обморокъ. Ее уводятъ въ уборную.



— Фрухты заграничные, мармеладъ для дамъ.

— Фокусы семейные, фокусы!

Пьяные купчики подзываютъ фокусника—страшнаго, небритаго, съ воровскими глазами, субъекта.

— Ты штоль фокусы семейные показываешь?

— Можемъ-съ. Изъ черной и бѣлой магіи, съ превращеніями. Только вотъ руки дрожатъ, холодно.

— Холодно? То-то! На вотъ, выпей, старикашка.

Старикъ жадно пьетъ стаканъ водки и тотчасъ же начинаетъ ужасно кашлять.

— Ахъ, шутники господа: въ водку и вдругъ нюхательнаго табаку насыпать. Развѣ это можно?

Купчики довольны и едва не валятся отъ хохоту.

— Что, братъ, почище твоей черной магіи!

— Инда въ глазахъ потемнѣло!

— Оно и кстати, вѣдь сейчасъ затмѣніе! Ха, ха, ха, вотъ удружилъ!



Въ одномъ изъ угловъ, за двумя сдвинутыми столиками, сидитъ почтенный господинъ съ цѣлымъ роемъ молодежи.

— Ну, а что, Павелъ Ивановичъ, если затмѣнія не будетъ? — справляется гимназистъ.

— Полно. Это вычислено математически. Хотя, говорятъ, Фламмаріонъ не совсѣмъ совсѣмъ согласенъ съ Секки.

— Кто это Секки?

— Итальянскій астрономъ, извѣстный своею теоріей о единствѣ физическихъ силъ.

— И охота вамъ, господинъ хорошій, такими пустяками заниматься? Люди затмѣніе пріѣхали смотрѣть, водку пьютъ, а вы со своими образованностями лѣзете.

— Убирайтесь вонъ! Это чортъ знаетъ что такое, порядочному человѣку выйти нельзя изъ дому. Человѣкъ, позови хозяина.

Въ это время свинцовый туманъ совсѣмъ почернѣлъ. Невидимая завѣса заволокла все—и небо, и землю. Лица людей помертвѣли, зелень деревьевъ поблекла. Тишина не прерывалась ни единымъ звукомъ.



Черезъ двѣ минуты и небо, и воздухъ, и лица прояснились. Терраса загалдѣла.

— А! Что я вамъ говорилъ?!

— Нѣтъ! Вы подумайте только, какъ натурально это вышло!

— Ай, караулъ, батюшка! Часы стащили. Держи его, братцы, это фокусникъ, навѣрное онъ.

— Тэкъ-съ, вотъ они, фокусы-то семейные.

Съ крикомъ, шумомъ, но съ чувствомъ полнаго удовлетворенія, толпа покинула ресторанъ.

Иванъ Митричъ спалъ, положивъ локти на столъ. Супруга его раскачивала.

— Срамникъ! право срамникъ. Пріѣхалъ затмѣніе смотрѣть, а самъ проспалъ, натрескамшись....



Урокъ.

Урокъ.

I.

Его зовутъ Павломъ Ивановичемъ Пеленкинымъ; *ее*—Марьей Петровной.

Онъ высокій стройный блондинъ съ шелковистой бородкой, подстриженной клинышкомъ, румяными губами, бѣлыми зубами, которымъ позавидовалъ бы даже самъ Цетевайо, король Зулусовъ, и съ неистощимымъ запасомъ добродушія.

Онъ носитъ брюки съ искрой, бархатный жилетъ съ цвѣточками и перчатки кирпично-краснаго цвѣта. Онъ до безумія любилъ свою жену, хорошія сигары, вино и игру въ тотализаторъ....

Она маленькая брюнетка съ цѣлымъ лѣсомъ темныхъ кудряшекъ на головѣ и глазами цвѣта влюбленной лягушки. Никакая пудра не можетъ скрыть смуглости ея щечекъ. Въ костюмѣ она предпочитаетъ яркіе цвѣта темнымъ. Въ жизни смѣхъ и веселіе—слезамъ. На сценѣ оперетку и фарсъ—серіозной драмѣ. Шляпа à la „чортъ меня побери“, перчатки—gris-perle.

Ихъ семейный очагъ похожъ на коробку изъ-подъ конфектъ Абрикосова, въ которой все приспособлено для того, чтобы сдѣлать любовь какъ можно болѣе комфортабельной. Надостаетъ въ ней только веселаго смѣха ребятъ. Впрочемъ это дѣло поправимое и Павелъ Ивановичъ надѣется.... но я не хочу открывать секрета Марьи Петровны и ее модистки, которая каждыя двѣ недѣли распускаетъ ея платья на полвершка.

II.

Однажды былъ сѣрый, дождливый день. Одинъ изъ тѣхъ дней, въ которые человѣкъ можетъ рѣшиться на все ужасное: поцѣло-

вать свою тещу, утопиться въ Неглинкѣ или вырвать себѣ всѣ зубы.

Поль долго ходилъ по комнатѣ, напѣвалъ „Стрѣлочка“, барабанилъ по стекламъ окна и разсматривалъ въ зеркалѣ прыщикъ, вскочившій на кончикѣ его носа. Наконецъ это занятіе ему надоѣло. Онъ одѣлся и взялъ палку.

— Мари!

— Поль!

— Я пойду къ Кузьмѣ Кузьмичу!

— А я къ тетѣ....

— Прощай, Мари!

— До свиданія, Поль!

Они вышли вмѣстѣ изъ дому и разошлись. Стройная фигурка Мари, затянутая въ модный ватеръ-пруфъ, направилась въ одну сторону. Поль, въ пальто цвѣта гороховой колбасы, пошелъ въ противуположную. У каждаго изъ нихъ была одна и та же мысль, съ удивительною непослѣдовательностью забравшаяся въ хорошенькую головку Мари и въ болѣе основательную голову Поля. Каждый изъ нихъ чувствовалъ себя въ чемъ-то виноватымъ, но не желалъ сознаться въ этомъ.

— Чтобы это значило? — думалъ Павелъ Ивановичъ.—Она какъ будто бы рада, что я ушелъ.... Гм! не скрывается ли здѣсь что-нибудь? Положимъ, она меня любитъ, но вѣдь женщины капризны, взбаломошны и экцентричны. Все новое ихъ привлекаетъ, занимаетъ. Что если она?...

Поль не осмѣлился даже договорить своей мысли и зашагалъ быстрѣе.

— Какая я несчастная женщина,—думала Мари.—Поль разлюбилъ меня.... Онъ холоденъ со мною. Онъ не обращаетъ на меня вниманія. Нынче онъ даже не поцѣловалъ меня при прощаніи. Извергъ! Негодяй! И зачѣмъ это я вышла замужъ?... я должна была раньше знать, что мущины такіе измѣнщики и противные....

И на глазахъ Мари то-и-дѣло навертывались слезы.

— Можетъ я ее чѣмъ-нибудь обидѣлъ или огорчилъ,—продолжалъ размышлять Поль.— Необходимо придти пораньше и переговорить съ нею.

— Я вернусь раньше,—рѣшила про себя Мари,—и достанется же ему отъ меня.

III.

9 часовъ вечера.

Солнце давно уже закатилось. Весь западъ покрылся темными тучами.

Поль, встревоженный первымъ облачкомъ, появившимся на горизонтѣ его счастья, возвращался домой. Грустныя мысли цѣлымъ роемъ тѣснились въ его головѣ. Тихими шагами онъ прошелъ черезъ всѣ комнаты. Онѣ были пусты. Онъ подошелъ къ спальнѣ. Двери были притворены.

— Что это она такъ рано вернулась, — подумалъ Поль и хотѣлъ постучать въ дверь. Но тихіе голоса, слышавшіеся изъ спальни, заставили его перемѣнить намѣреніе. Онъ сталъ смотрѣть въ замочную скважину.

Въ спальнѣ было довольно темно. Но при слабыхъ лучахъ, проникавшихъ сквозь плотныя занавѣски на окнѣ, Поль могъ разглядѣть двѣ фигуры—мужскую и женскую. Онѣ сидѣли на кушеткѣ, обнявшись, и тихо разговаривали. Порой слышались звуки поцѣлуевъ....

У Поля помутилось въ глазахъ.

— Боже мой! Мари, его дорогая Мари, которую онъ такъ любилъ, гнусно, подло, низко обманывала его.... Онъ съ трудомъ удерживался, чтобы не броситься и не растерзать ихъ обоихъ....

IV.

Вернувшись отъ тетки, Мари вошла черезъ черное крыльцо. Пройдя черезъ всѣ квмнаты, она подошла къ своей спальнѣ съ противуположной стороны.

Проходя черезъ залу, она увидѣла шляпу и перчатки мужа.

— А, значитъ, онъ дома.... тѣмъ лучше! Погодите же, господинъ Поль? Достанется вамъ.

Но что это?

Кто-то говоритъ въ ее спальнѣ. Она прильнула глазкомъ къ замочной скважинѣ.

— Она такъ и знала?... Этотъ ужасный Поль ее не любитъ.... онъ заводитъ шашни.... Но съ кѣмъ и гдѣ?... Съ ея горничной, въ ея собственной спальнѣ! О, позоръ!... Бѣдная Мари, несчастная Мари.... Она все могла переносить, но это свыше ея силъ....

И вся въ слезахъ она энергично толкнула дверь и влетѣла въ комнату....

Но тутъ случилось нѣчто странное. Противоположная дверь тоже моментально открылась и въ нее съ крикомъ ворвался Поль.

Зажгли свѣчу.... Передъ разгнѣванными супругами стояла горничная Даша и лакей Петръ.... Даша съ смущеннымъ видомъ вертѣла въ рукахъ уголокъ передника. Петръ угрюмо стоялъ, опустивъ голову.

Нѣсколько минутъ длилось неловкое молчаніе.

— Сударыня,—наконецъ нашлась Даша:— это мой женихъ.... Простите.... я убирала комнату, а онъ на минуту зашелъ сюда....

— Ступайте въ кухню,—нѣсколько сконфуженнымъ голосомъ произнесъ Поль.

V.

Когда дверь за ними затворилась, супруги подошли другъ къ другу.

— Поль!

— Мари!

— Прости меня!

— И ты прости меня тоже!

— Я не стану больше капризничать!...

— А я постараюсь быть внимательнѣй!...

И звучные поцѣлуи скрѣпили этотъ супружескій договоръ.



Убилъ бобра.

Убилъ бобра.

I.

Анна Ивановна Наконечникова и дочь ея Глафира Николаевна сидѣла на террассѣ дачи за какой-то работой.

— Сиди прямо, не горбись, ты вѣдь знаешь, твой женихъ долженъ придти.

— Да, мамочка.

— Онъ очень милъ; серіозный, солидный такой, не вѣтрогонъ.

— Да, мамочка.

— Не дакай ты пожалуйста.

— Не буду, мамочка.

— Ты еще не причесывалась?

— Нѣтъ, мамочка.

— Но вѣдь ты знаешь навѣрное, что онъ долженъ придти.

— Нѣтъ, мамочка.

— Почему? Развѣ ты его видѣла вчера?

— Нѣтъ, мамочка.

— Значитъ онъ тебѣ письмо написалъ?

— Нѣтъ.... да, мамочка.

— Покажи его сію минуту.

Барышня сконфузилась и вытащила изъ складокъ турнюра розовый пахучій конвертикъ. Госпожа Наконечникова взяла его, понюхала, повертѣла и начала читать.

„Мой Ангелъ! (*Гм! раненько....*) Я васъ обожаю, вы это знаете....“

— Ты это знаешь?

— Да, мамочка.

....„Еслибы союзъ нашъ зависѣлъ только отъ меня, вы бы давно уже были моею женою. Но мои родители боятся одного слова: „безприданница“. Но, разумѣется, есть одно обстоятельство, которое могло бы ихъ склонить къ уступкѣ“....

— Какое обстоятельство, мамочка?

— Молчи. ....„Еслибы вы сегодня вечеромъ приняли меня у себя, когда всѣ уля-

гутся спать, я бы разсказалъ вамъ подробнѣе обстоятельства дѣла....“

— Я ничего не понимаю, мамочка.

— Это не твое дѣло. Ступай и причесывайся къ лицу.

II.

Адонисъ Адамовичъ Пшентопляцкій ходилъ въ волненіи по комнатѣ, когда швейцаръ подалъ ему письмо.

— Побѣда, чортъ возьми!—вскричалъ онъ, пробѣжавъ глазами записку.

„Приходите сегодня въ десять часовъ. Я буду одна. Не дѣлайте шума. Ваша Г.“

— Скоро, чортъ возьми!—вскричалъ Адонисъ,—почти съ быстротой курьерскаго поѣзда. Только двѣ недѣли ухаживанья, двѣ ложи и четыре коробки конфетъ! Впрочемъ оно не мудрено, еще есть порохъ въ пороховницѣ!

При этомъ Адонисъ Адамовичъ поглядѣлся въ зеркало и притопнулъ два па изъ мазурки.

III.

Ночь спустилась на гнилыя крыши дачъ

Шелепихи. Счастливый Адонисъ, ступая на носкахъ ботинокъ не хуже Дель-Эры, проникъ въ комнаты Глафиры. Онъ прекрасно зналъ эту маленькую комнатку.

Голубица уже ждала своего голубя, и они были счастливы.

Часъ разлуки прозвучалъ и Адонисъ Адамовичъ сталъ пробираться къ выходу еще съ большими предосторожностями, чѣмъ прежде. Онъ уже выбрался въ корридоръ и нащупывалъ выходную дверь, какъ вдругъ громкій голосъ и масса свѣта оглушили и ослѣпили его.

— Несчастный, вы не уйдете!—завопила г-жа Наконечникова.—Откуда вы, милостивый государь!

— Я.... шелъ.... Я заблудился.

— Довольно! вы вышли изъ комнаты моей дочери.

— Что вы, сударыня!

— Да, вы ее увлекли, вы бросили ее въ бездну. Вы должны ее спасти — завтра будетъ свадьба.

— Невозможно.... Я.... я.... женатъ уже.

— А, вотъ что?! Вы дорого поплатитесь за это! Садитесь и пишите.

— Что я долженъ писать?—удивился Адонисъ Адамовичъ.

— Пишите: „Я обязуюсь жениться на особѣ, которую я оскорбилъ, тотчасъ же какъ сдѣлаюсь вдовцомъ“.

— Только-то!—подумалъ Адонисъ Адамовичъ, подписывая это обязательство.

— Пойдемъ, несчастный, вручите сами бѣдной женщинѣ эту записку!

Госпожа Наконечникова повлекла за собой Адониса Адамовича въ комнату Глафиры.

О, чудо! При свѣтѣ лампы, бѣдный молодой человѣкъ увидѣлъ, какую непоправимую ошибку сдѣлалъ онъ. Въ комнатѣ сидѣла на диванѣ и глупо ухмылялась кухарка Анисья.

— Не отчаивайтесь, милостивый государь! — злобно смѣялась г-жа Наконечникова.—Анисья еще молода, ей только сорокъ пять лѣтъ, и вамъ удастся загладить вашу вину....

Ликвидація.

Ликвидація.

I.

Ѳеничка Чижикъ, пѣвица съ сомнительнымъ голосомъ и репутаціей, изъ какого-то загороднаго театра-ресторана, рѣшила ликвидировать свои дѣла и удалиться въ провинцію на покой.

Ей давно уже перевалило за тридцать. Безпорядочная жизнь, вѣчное шатаніе по театрамъ, садамъ и маскарадамъ, попойки, ужины, мотовство успѣли наложить уже свою печать на ея красивыя, но теперь сильно обрюзгшія черты. Она больше не можетъ надѣяться обольстить кого-нибудь своею особой. На голосъ и сценическій талантъ тоже

надежды мало и Ѳеничка, какъ особа практическая, распродаетъ различные цѣнные предметы, мебель, бриллiанты, чтобы на эти остатки прежняго блеска доживать свои дни тихо и мирно гдѣ-нибудь въ глуши провинцiи.

У нея есть еще кой-какiя деньжонки и цѣнныя бумаги, которыя она припрятала про черный день, разоривши своего послѣдняго покровителя Аркадiя Мозглякова. Чувствуя, что это будетъ ея послѣдней жертвой, Ѳеничка съ удивительнымъ хладнокровiемъ обобрала его до нитки въ теченiе двухъ мѣсяцевъ. Впрочемъ, это не мѣшаетъ ей всячески бранить и называть Мозглякова „невѣрнымъ“ и „измѣнщикомъ“.

Распродавши мебель и другiя громоздкiя вещи, Ѳеничка отослала свои бриллiанты, фарфоръ, зеркала, люстры и сувениры, полученные ею отъ поклонниковъ, въ аукцiонный залъ. Она осталась одна въ опустошенной квартирѣ вмѣстѣ со своею горничной.

II.

— Ѳедосья Марковна, вамъ письмо-съ,—

доложила горничная, входя въ спальню Ѳенички.—Отъ *вашего-съ*, должно-быть,—фамильярно улыбнулась она.

— Кто принесъ?

— Посыльный....

— Давай сюда.

Ѳеничка распечатала письмо. Оно было отъ Мозглякова. Онъ прощался съ ней, говоря, что уѣзжаетъ въ деревню, и выражалъ ей всяческія пожеланія. Письмо оканчивалось слѣдующей фразой: „Надѣюсь, что получивши 20 тысячъ, которыя я вложилъ банковыми билетами въ бомбоньерку, которую прислалъ тебѣ вчера, ты не будешь вспоминать обо мнѣ какъ о неблагодарномъ".

Ѳеничка читала письмо довольно неохотно, но дойдя до послѣднихъ строкъ, вскочила какъ ужаленная. Она припомнила, что вчера дѣйствительно отъ Мозглякова принесли ей шкатулку чернаго дерева съ серебряной инкрустаціей, наполненную конфектами.

— Марѳа, а Марѳа,—закричала она.

— Чего изволите-съ?

— Гдѣ шкатулка, что вчера отъ Мозглякова принесли?

— Щикатулка-то?

— Ну, да?

— Да вы же сами велѣли ее даве съ другими вещами въ сукціонъ отправить.

— Дура!!!

III.

Наскоро одѣвшись, Ѳеничка полетѣла въ аукціонный залъ. Она надѣялась, что бомбоньерка еще не продана.

— По ошибкѣ я прислала сюда шкатулочку изъ чернаго дерева съ инкрустаціей. Это для меня дорогой сувениръ. Я не желала бы ее продавать,—начала взволнованнымъ голосомъ Ѳеничка.

— Къ сожалѣнію, она уже продана-съ,—отвѣчалъ аукціонистъ.—За пять съ полтиной по оцѣнкѣ.... вонъ этому господину.

Ѳеничка бросилась къ молодому человѣку, державшему завѣтную шкатулку. Къ счастію онъ еще не отворилъ ее, такъ-какъ замокъ оказался испорченнымъ. Онъ старался повернуть ключъ, который не поддавался его усиліямъ.

— Молодой человѣкъ,—со слезами на гла-

захъ обратилась къ нему Ѳеничка,—эта вещь попала сюда по недоразумѣнію.... Отдайте мнѣ ее назадъ. Я вамъ даю десять, двадцать.. . сто рублей!

— Та, та, та, барынька,—иронически отвѣчалъ молодой человѣкъ,—эта вещичка стоитъ подороже.... Я самъ знатокъ въ старинныхъ вещахъ.

— Увѣряю васъ, что это вовсе не старинная вещь.... Это сувениръ, понимаете, сувениръ. Берите двѣсти рублей.

— Не хочу!

— Триста!

— Нѣтъ!

— Пять сотъ.... тысячу, двѣ тысячи.... Наконецъ три тысячи.

— Десять тысячъ и ни гроша менѣе.

— Заклинаю васъ.... вѣдь это шкатулка не стоитъ трехъ рублей.

— Десять тысячъ или я ухожу.

Ѳеничка съ отчаяніемъ схватила молодаго человѣка за рукавъ.

— Вы хотите разорить меня!

— Что же дѣлать!—и молодой человѣкъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ уйти.

— Нужно ему дать десять тысячъ,—подумала Өеничка, — все-таки я останусь въ выигрышѣ.—Тамъ вѣдь двадцать тысячъ.

— Хорошо, я согласна, — закричала наконецъ она. — Поѣдемте ко мнѣ домой, я вамъ заплачу деньги.

Они вернулись вмѣстѣ на квартиру Өенички, и получивши деньги, молодой человѣкъ удалился. Өеничка вздохнула съ облегченіемъ.

IV.

Оставшись одна, она попробовала открыть замокъ. Но онъ не поддавался. Тогда она схватила кухонный ножъ и взломала крышку. Нервнымъ движеніемъ она выбросила на полъ конфекты и съ трепетомъ схватила бумажный пакетъ, лежавшій на днѣ шкатулки.

Она разорвала конвертъ. Изъ него выпалъ номеръ „Полицейскихъ Вѣдомостей“ и клочокъ бумаги. На немъ было написано:

„Дорогая Өеничка! Когда ты будешь читать эту записку, то я буду уже въ вагонѣ

желѣзной дороги, увозя съ собой десять тысячъ (жалкій обломокъ того, что ты у меня вытянула), полученныя мною благодаря маленькой военной хитрости. Твой Мозгляковъ. P. S. Поклонъ тебѣ отъ моего кузена—молодаго человѣка, продавшаго тебѣ шкатулку".

Ѳеничка упала въ обморокъ....



Отъ судьбы не уйдешь.

Отъ судьбы не уйдетъ.

Леонидъ Михайловичъ Скуратовъ проснулся, потянулся, зѣвнулъ и вспомнилъ, что ему сегодня стукнуло тридцать лѣтъ.

— Тридцать лѣтъ, а я еще не женатъ!— подумалъ онъ укоризненно и сталъ одѣваться.

Въ то время, когда фигура Леонида Михайловича облачалась въ лѣтнюю пару, въ головѣ его созрѣвалъ планъ женитьбы.

— Женюсь и кончено!—рѣшилъ наконецъ и принялся за чай.

Нужно прибавить, что на порогѣ супружеской жизни Скуратова лежалъ тяжелый камень, который нужно было счастливо обойти. „Камень“ этотъ былъ ничто иное какъ

сердце одной хорошенькой и нѣжно любящей женщины.

Въ продолженіе шести лѣтъ Леонидъ Михайловичъ жилъ съ одной милой дѣвушкой, которую любилъ безъ ума. Какъ ваятель онъ вылѣпилъ изъ нея то, что хотѣлъ. Казалось, что связь эта неминуемо должна была завершиться бракомъ, но Скуратовъ былъ рабомъ предразсудка, а предразсудокъ запрещаетъ жениться на своей любовницѣ.

Собравъ все свое жестокосердіе и твердость, Скуратовъ безъ обиняковъ объявилъ Клавдіи о необходимости разстаться. Зная хорошо характеръ своего возлюбленнаго, бѣдная дѣвушка не просила, не умоляла и съ достоинствомъ отказалась отъ предлагаемаго вознагражденія.

Все обошлось благополучно; они разошлись и маленькій шестилѣтній амуръ проплакалъ всю ночь, сидя на изломанномъ колчанѣ....

Очутившись на свободѣ, со щемящимъ сердцемъ отъ глубокой раны, Скуратовъ принялся искать ту идеальную подругу, которая „пойдетъ съ нимъ рука объ руку и раздѣ-

литъ всѣ радости и горести“. Черезъ пять мѣсяцевъ такихъ поисковъ онъ убѣдился въ трудности своей задачи: идеальная подруга не шла сама на встрѣчу, а найти ее было не легко.

Усталый и разочарованный Скуратовъ поневолѣ обратился къ средству, о которомъ ранѣе помышлялъ съ нѣкоторою брезгливостью. Онъ поѣхалъ къ свахѣ и посовѣтовался съ нею. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ предложеній съ ея стороны, дѣло казалось пошло на удачу.

— Молодая, красавица изъ себя, простая, безъ затѣй, хорошая музыкантша, кажется немного деньжонокъ есть.

Такъ аттестовала невѣсту сваха.

— Прекрасно! Покажите ее мнѣ. Вотъ вамъ, матушка, моя фотографическая карточка на всякій стучай. Устройте намъ свиданіе.

— Подожди. голубчикъ, устроимъ все, не торопи только.

Черезъ три дня Скуратовъ получилъ письмо въ два листа почтовой бумаги, исписанное тонкимъ, красивымъ почеркомъ. Это была

полная автобіографія пишущей. Она получила хорошее воспитаніе, знаетъ языки, музыку, „всѣ говорятъ, что она хороша" и т. п. Карточки своей она не желаетъ давать и вручитъ сама, при личномъ свиданіи.

Леонидъ Михайловичъ былъ въ восторгѣ отъ письма и тотчасъ отвѣтилъ на четырехъ листахъ.

Наконецъ Скуратовъ получилъ давно ожидаемое приглашеніе.

„Сегодня, въ Петровскомъ Паркѣ, близъ озера, въ десять часовъ вечера. Каждый изъ насъ будетъ держать платокъ въ лѣвой рукѣ".

Благодаря счастливой случайности, Леонидъ Михайловичъ жилъ въ это время на дачѣ, въ Паркѣ.

Когда стемнѣло, онъ вышелъ на условленную аллею.

— Она!—вскричалъ онъ, увидавъ приближающуюся даму съ кружевнымъ платкомъ въ лѣвой рукѣ.

Дѣйствительно, это была *она*. Высокая, стройная, одѣтая съ изысканнымъ вкусомъ, но увы, задернутая въ черную вуаль.

Послѣ получасовой ходьбы Скуратову уда-

лось сломить упрямство незнакомки и она согласилась пойти пить чай къ нему. Едва взойдя въ комнату, молодая женщина сѣла къ роялю. Она начала пѣть какой-то романсъ.

О чудо! Вѣдь этотъ романсъ извѣстенъ только ему, Скуратову и Клавдіи....

Когда замерли послѣдніе звуки пѣсни, Леонидъ нѣжно отбросилъ вуаль съ сторону и обнялъ блѣдную и дрожащую отъ волненія Клавдію.

Это была она.

Они больше не разставались....



По ошибкѣ.

По ошибкѣ.

Поѣздъ замедляетъ ходъ. Слышатся осипшіе свистки паровоза и тяжелое пыхтѣніе. Колеса медленнѣе выбиваютъ свой тактъ. Наконецъ рѣзкій толчокъ заставляетъ всѣхъ пассажировъ прикусить языки; раздается лязганье цѣпей и слышится голосъ кондуктора:

— Свинская платформа.... поѣздъ стоитъ двѣ минуты.

Изъ вагона перваго класса выползаетъ особа небольшаго роста, довольно полная, съ брюшкомъ, начинающимъ замѣтно обрисовываться, и съ массивною золотою цѣпью, болтающеюся на жилетѣ. Мужикъ въ синей чуйкѣ тащитъ за нимъ чемоданъ и нѣсколько

узелковъ. Особа отдувается, пыхтитъ и суетится.

— Ну, что же ты тамъ застрялъ, Дорофей!—кричитъ она, обращаясь къ носильщику.—Экій ты, братъ, право, мѣшкотный.... Ну, тащи вотъ сюда.... Да не забудь узелокъ-то, что на полкѣ.... Живѣй поворачивайся.

Въ это время изъ вагона втораго класса выходитъ другой пассажиръ; это тоже господинъ небольшаго роста, довольно полный и одѣтый также, какъ и первый, въ лѣтнюю чесунчевую пару. Онъ самъ тащитъ свой небольшой узелокъ, завернутый въ дорожный пледъ, и тяжело прыгаетъ на платформу.

Раздается мелкая трель кондуктора. Ему вторитъ свистокъ паровоза; поѣздъ трогается. Тра-та, тра-та, тра-та-та.... стучатъ колеса все быстрѣй и быстрѣе и скоро послѣдній вагонъ скрывается въ дали. На пустой платформѣ остаются только прибывшіе пассажиры да мужикъ въ синей чуйкѣ. Бѣлесоватый утренній туманъ заволакиваетъ мелкій лѣсокъ и дорогу. Недалеко отъ плат-

формы рисуется тройка, запряженная въ коляску, и слышится звонъ бубенчиковъ.

Оба пассажира почти одновременно смотрятъ другъ на друга. Широкая улыбка освѣщаетъ ихъ лица.

— Арсеній Степановичъ!

— Николаша, ты ли это? Вотъ ужъ никакъ не ожидалъ.

И оба толстяка чистосердечно заключаютъ другъ друга въ объятія и лобызаются.

— Какъ это ты попалъ въ наши палестины?

— По дѣлу.... Видишь ли, техническое общество поручило мнѣ посмотрѣть кое-какія приспособленія на одной изъ здѣшнихъ фабрикъ....

— Постой, постой.... на какой фабрикѣ?

— На Брюховской мануфактурѣ....

— Ну, такъ и есть! Да вѣдь это, батюшка, моя фабрика, моя собственная. Вотъ и отлично. Такъ значитъ ты ко мнѣ?

— Въ такомъ случаѣ да....

— Превосходно.... у меня здѣсь коляска.... поѣдемъ вмѣстѣ; по дорогѣ ты мнѣ растолкуешь. Эй, Дорофей, коляску!—за-

суетился первый пассажиръ, бросаясь во всѣ стороны.

Подали коляску и черезъ пять минутъ оба друга катили по грязной проселочной дорогѣ.



Арсеній Степановичъ Веретенниковъ, не смотря на свою довольно неинтеллигентную наружность, былъ изъ университетскихъ. По окончаніи курса онъ бросилъ свою спеціальность и занялся маленькой фабрикой, принадлежавшей его отцу. Знанія, природная сметка и предпріимчивость помогли Веретенникову и въ настоящее время онъ былъ владѣтелемъ довольно обширной фабрики. Съ тѣхъ поръ какъ онъ покинулъ alma mater прошло много времени. Онъ уже успѣлъ растолстѣть, облѣниться и обрости мохомъ. Но тѣмъ не менѣе онъ искренно обрадовался, встрѣтившись съ своимъ товарищемъ Николаемъ Лукичомъ Зефировымъ. Сидя въ коляскѣ, они обмѣнивались разспросами и воспоминаніями.

— И какъ это все скоро,—говорилъ Веретенниковъ,—просто даже не вѣрится.... Кажется давно ли это мы ходили въ красныхъ рубахахъ, потягивали пиво въ портерныхъ да „gaudeamus igitur" распѣвали.... А между тѣмъ годовъ пятнадцать, почитай, прошло.... Эхъ, жизнь человѣческая! Ну, какъ ты живешь, Николаша? Все еще наукой, прогрессомъ, да всякими этакими цивилизаціями бредишь?...

Зефировъ улыбнулся и махнулъ рукой.

— Какое, братъ, опустился, обабился....

— Вотъ оно какъ! Значитъ какъ и мы, грѣшные.... А знаешь, Николаша, ужъ никакъ не ожидалъ я съ тобой свидѣться. А вотъ, поди же ты, случай какой! Ну, братъ, зато я тебя скоро не отпущу. Ты погостишь у меня на фабрикѣ.... съ женой тебя познакомлю.... она у меня изъ образованныхъ. Журналы всякіе читаетъ, на фортепіано и прочее все такое.... Однимъ словомъ бой-баба. Въ картишки поиграемъ.... авось не соскучишься.

— А скоро мы пріѣдемъ?

— Сейчасъ.... черезъ четверть часа бу-

демъ дома. Вотъ видишь ты въ той сторонѣ дымъ? Это все наши трубы небо коптятъ.

Кучеръ стегнулъ лошадей и экипажъ покатился быстрѣе, разбрасывая во всѣ стороны брызги грязи.

* * *

— Въ 12 часовъ мы завтракаемъ,—торопливо говорилъ Веретенниковъ своему товарищу, стоя посреди своего обширнаго и богатаго кабинета.—Я сбѣгаю на фабрику, а ты умойся да переодѣнься покамѣстъ. Къ завтраку и жена встанетъ.... Она у меня соня: еще спитъ пожалуй.... Ну, до свиданья....

Арсеній Степановичъ ушелъ, оставивъ Зефирова одного. Разбитый, усталый съ дороги, онъ умылся и принялся переодѣваться, думая о своемъ счастливомъ товарищѣ. Онъ успѣлъ перемѣнить нижнее бѣлье и уже натягивалъ на себя крахмальную рубашку, какъ вдругъ дверь широко распахнулась и въ комнату влетѣла довольно красивая блондинка, лѣтъ около 35.

— Мнѣ только что доложили, что ты пріѣхалъ, Arsène,—весело закричала она, подлетая къ Зефирову, который застрялъ отъ испуга въ своей рубашкѣ.—Отчего ты не далъ мнѣ телеграмму?...

— Ммм....

— Ахъ, Сеничка, какъ я счастлива, что ты пріѣхалъ.... Ты не можешь себѣ представить, какая здѣсь скука.... Да что это ты, противный, никакъ не можешь рубашку натянуть.... Позволь я тебѣ помогу.

Блондинка схватила рубашку и стала тащить ее черезъ голову несчастнаго Зефирова, который бился и извивался какъ змѣя, стараясь выскользнуть изъ ея рукъ.

— Да ну же, постой....

— Оставьте ради Бога, — послышались жалобные стоны изъ глубины крахмальной манишки.

— Что это съ тобой, попочка?... Ахъ, да, я и забыла, что ты боишься щекотки. Ну, хорошо, я больше не буду трогать.

Черезъ минуту въ отверзтіе воротника показалась плѣшивая макушка.

— Ахъ, Сеничка, у тебя плѣшь стала

еще больше....—закричала блондинка и со смѣхомъ поцѣловала Зефирова въ голову.

Въ эту минуту ему удалось просунуть всю свою голову въ воротникъ и передъ блондинкой предстало красное, сконфуженное лицо какого-то незнакомаго господина, съ глазами, налившимися кровью, и вспотѣвшей лысиной.

— Сударыня.... извините-съ.... Я ей-Богу не виноватъ-съ....—залепеталъ Зефировъ, готовый въ эту минуту провалиться сквозь землю.

Въ комнатѣ раздался громкій крикъ и блондинка упала въ обморокъ....

Въ 12 часовъ Веретенниковъ вернулся къ завтраку. Въ столовой былъ накрытъ только одинъ приборъ и ему доложили, что барыня больна и заперлась у себя въ комнатѣ, а гость потребовалъ свои вещи и поспѣшилъ уѣхать.



Этажемъ ниже.

Этажемъ ниже

I.

Аристархъ Платоновичъ Монументовъ, старшій натаріусъ при окружномъ судѣ, сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, выходившемъ окнами на улицу, и разсѣянно глядѣлъ на стрѣлки часовъ.

— Скоро ли пробьетъ шесть?—думалъ онъ, глядя на медленное движеніе стрѣлки,—скорѣй бы домой, пообѣдать и потомъ соснуть малость. Умаешься за день съ этой проклятой службой....

Въ кабинетъ вошелъ секретарь и сталъ ему докладывать о поступившей бумагѣ. Но Аристархъ Платоновичъ не слушалъ его.

Монотонный голосъ секретаря, тихое поскрипываніе перьевъ, мѣрное тиканіе часовъ и духота—все это наводило на него сонливое настроеніе, дѣлало неспособнымъ къ головной работѣ. Вѣки его опускались и голова склонялась на грудь....

— Какъ же прикажете поступить, Аристархъ Платоновичъ?—робко спросилъ секретарь, кончивъ докладъ.

— А? Что? Съ чѣмъ поступить?—очнулся Монументовъ.

— Съ этой бумагой-съ....

— Съ какой бумагой?

— Съ прошеніемъ мѣщанки Синепутовой?

Но Аристархъ Платоновичъ вмѣсто отвѣта бросился къ окну и прильнулъ къ стекламъ. Секретарь остановился съ удивленіемъ, замѣтивъ покраснѣвшее лицо своего патрона и то напряженіе, съ которымъ онъ глядѣлъ на улицу. Онъ посмотрѣлъ по направленію его взгляда и увидѣлъ полную блондинку, шедшую подручку съ молодымъ франтомъ....

— Такъ какъ же прикажете,—началъ онъ снова, но Аристархъ Платоновичъ оттолкнулъ его и бросился вонъ изъ конторы.

II.

Монументовъ какъ бомба вылетѣлъ на улицу и бросился въ догонку молодой парочкѣ. Они уже успѣли отойти шаговъ на пятьдесятъ, но Аристархъ Платоновичъ могъ еще видѣть голубую шляпку барыни, которая послужила ему маякомъ.

— Это она!—шепталъ Монументовъ.—Она —Катюша—моя жена. А этотъ франтъ похожъ на Косолапкина. Я давно ужъ замѣчалъ между ними какіе-то шуры-муры.... Постойте, голубчики, я васъ накрою! Да-съ! На мѣстѣ преступленія!...

Аристархъ Платоновичъ продолжалъ слѣдить издали, боясь, чтобы его не замѣтили и этимъ не разрушили его плана.

— Да, я не ошибся,—продолжалъ онъ размышлять.—Я узнаю ея шляпу, походку, платье.... Впрочемъ всѣ женщины на одинъ покрой; съ этими турнюрами онѣ всѣ похожи! Какъ бы это удостовѣриться? Ба! да вотъ навстрѣчу мнѣ идетъ зубной врачъ Ицкензонъ. Нужно спросить у него, онъ ихъ видѣлъ.

Монументовъ, поравнявшись съ Ицкензономъ, любезно поклонился.

— Здравствуйте, господинъ Ицкензонъ!

— Я васъ не знаю!

— О, вы вѣроятно забыли!... Я имѣлъ удовольствіе не однажды-съ.... Въ послѣдній разъ вы еще сломали челюсть моей тещѣ.... Очень вамъ благодаренъ! Истинное благодѣяніе мнѣ оказали.

Потомъ вдругъ, перемѣнивши голосъ, Монументовъ спросилъ шопотомъ.

— Вы узнали ее? Скажите, это *она?*

— Про кого вы спрашиваете?

— Эта дама въ голубой шляпкѣ.... Вы мимо нея прошли. Не правда ли, это *она?*

— То-есть кто же *она?*

— Катюша! Моя жена!

— Я не имѣю чести знать вашу супругу....

— Ахъ, Боже мой, да вѣдь ее легко узнать. У нея тридцать три родинки на лѣвой щекѣ....

— Право, я не обратилъ вниманія.

Монументовъ бросилъ зубнаго врача и поспѣшилъ за голубой шляпкой, которая чуть виднѣлась вдали, среди толпы.

— Не хочетъ говорить, жидовская харя! —ворчалъ онъ про себя.—Но все равно— они отъ меня не ускользнутъ.

III.

Голубая шляпка съ кавалеромъ повернула въ переулокъ. Аристархъ Платоновичъ повернулъ тоже. Такимъ образомъ прошли шаговъ двѣсти. Затѣмъ дамочка съ кавалеромъ вышла на большую улицу, снова повернула въ переулокъ и остановилась у большаго четырехъ-этажнаго дома.

Это былъ домъ, въ которомъ жилъ Монументовъ.

— Ну, такъ и есть!—шепталъ Монументовъ.—Теперь вы и не подозрѣваете, что васъ сейчасъ же накроютъ.... Нужно однако спѣшить, чтобы поспѣть во-время....

Парочка скрылась въ подъѣздѣ. Черезъ три минуты Монументовъ, запыхавшись, поднимался по лѣстницѣ. Онъ торопливо перескакивалъ черезъ нѣсколько ступенекъ и отиралъ потъ со своего вспотѣвшаго лба. Вдругъ онъ увидѣлъ полуоткрытую дверь. Онъ бросился въ нее.

При входѣ въ прихожую, Монументову прежде всего бросилась въ глаза голубая шляпка, валявшаяся на окнѣ. Онъ не замѣтилъ ничего остальнаго и пошелъ дальше. Вторая комната была пуста. Аристархъ Платоновичъ прошелъ ее и остановился какъ вкопанный на порогѣ третьей.

На кушеткѣ, въ полутьмѣ, такъ-какъ окно было завѣшено соломенной шторой, онъ увидѣлъ молодаго человѣка, сидѣвшаго на кушеткѣ обнявшись съ полной блондинкой.

— А, презрѣнная!—заревѣлъ какъ бѣшеный Монументовъ, схвативъ блондинку за плечо.—Теперь ты ужъ не можешь отпереться. Я тебя засталъ здѣсь.... въ моей квартирѣ съ любов....

Блондинка повернула къ нему свое лицо и Монументовъ запнулся на серединѣ слова и сконфуженно замолчалъ.

— Виноватъ, я кажется ошибся этажемъ, —пробормоталъ онъ и бросился назадъ на лѣстницу.

Спустившись этажемъ ниже, онъ остановился у двери, на которой была прибита дощечка съ надписью: „Нотаріусъ Монумен-

товъ“ и позвонилъ. Ему отворила горничная.

— Дома барыня?

— Только-что пріѣзжали и опять уѣхали.

— Одна?

— Нѣтъ-съ! съ господиномъ Косолапкинымъ.

— Проклятіе,—застоналъ Монументовъ,—еще разъ они ускользнули отъ меня.



Сморгонская академія.

Сморгонская академія.

Я возвращался изъ-за границы.

Нѣмецкій поѣздъ бросилъ меня на дебаркадерѣ Вержболова, и вотъ я снова въ Россіи,—ступаю по ея землѣ, чувствую ее своимъ сердцемъ и еще болѣе своимъ носомъ.

Ковно, Вильно, бѣдныя литовскія деревни, красноглазые евреи, меланхолично и неизвѣстно почему торчащіе на станціяхъ, и слезливый, мокрый вѣтеръ, заволокшій даль своимъ нездоровымъ, сырымъ покрываломъ. Въ такую погоду англичане, бѣгущіе отъ сплина, бросаются подъ поѣздъ или ущемляютъ свои головы между буферами. Я былъ близокъ къ тому.

Настала ночь. Кондукторъ принесъ двѣ

толстыя стеариновыя свѣчи и вставилъ ихъ въ углахъ вагона. Я развернулъ свой плэдъ и улегся, думая уснуть подъ веселую музыку колесъ.

* *
*

— Pardon.... позвольте мнѣ мѣсто....

Я открылъ глаза и увидѣлъ передъ собою стройную даму въ дорожномъ англійскомъ пальто съ капюшономъ и съ сумочкой чрезъ плечо.

Я вскочилъ, снялъ свои узлы съ дивана и очистилъ мѣсто для дамы.

— Вы пожалуйста извините,—начала незнакомка, усѣвшись противъ меня,—я васъ побезпокоила, такъ-какъ въ томъ углу очень накурено. Какіе-то косматые господа, не то охотники, не то бродяги.

Я приподнялся и разглядѣлъ въ противуположномъ углу двухъ субъектовъ угрюмаго вида, грубыя лица которыхъ отъ времени до времени освѣщались краснымъ огнемъ коротенькихъ трубокъ.

— Ты гдѣ же тогда находился?—послы-

шался мнѣ густой голосъ изъ табачнаго облака.

— Въ Сморгонской академіи.... медвѣдей дрессировалъ....

Въ это время поѣздъ остановился и кондукторъ хриплымъ голосомъ прокричалъ:

— Сморгонь, поѣздъ стоитъ пять минутъ!

* * *

Черезъ нѣсколько времени мы болтали съ хорошенькой сосѣдкой какъ старые друзья. Она звонко хохотала, шутя выпила три глотка коньяку изъ моей дорожной фляжки и раза два многозначительно пожала своей мягкой туфелькой мой сапогъ.

— Что же, неужели у васъ тамъ настоящая медвѣжья академія была?—донесся до меня голосъ изъ угла.

— Полный курсъ наукъ, кромѣ мертвыхъ языковъ,—отвѣчалъ шутливо другой голосъ.

Мое вниманіе невольно напряглось и я на минуту забылъ о своей хорошенькой сосѣдкѣ.

— ....Потѣха, вамъ скажу, бывала, когда

господамъ школьникамъ первый урокъ давали. Вотъ вою-то было. Обыкновенно медвѣжатъ пригоняли весной и тотчасъ имъ прорѣзали имъ щеки для цѣпи. Лѣто оставляли мы ихъ въ покоѣ, чтобы рана зажила, ну а осенью начиналось обученіе.

— Съ чего же вашъ курсъ наукъ начинался?

— Подымали медвѣдя на заднія лапы. Дѣлалось это очень просто: раскаливали мы желѣзную плиту докрасна и подводили къ ней медвѣдя. Дернувъ за цѣпь, мы заставляли животное дѣлать шагъ впередъ и дотрогиваться передними лапами до плиты Почувствовавши боль, медвѣдь становился на заднія лапы. Два, три такихъ урока и самый упрямый медвѣжонокъ начиналъ маршировать какъ солдатъ....

— Послушайте, что вы молчите?—защебетала моя сосѣдка.—Разскажите мнѣ что-нибудь; вѣдь вы ѣдете изъ Парижа. Ахъ, увижу ли я его когда-нибудь! Это, знаете, моя мечта....

— ....Тупыхъ и глупыхъ животныхъ, — продолжалъ густой голосъ изъ темнаго угла,—

мы разстрѣливали на площади въ присутствіи всѣхъ питомцевъ Сморгонской академіи. Это было торжественное зрѣлище. Всѣхъ медвѣдей выводили и ставили кругомъ стараго дуба. Затѣмъ заставляли ихъ выдѣлывать артикулы — всѣ разумѣется послушно исполняли. Тогда выводили преступника, повторяли ему въ послѣдній разъ команду, и если упрямый Мишка не слушался, его тотчасъ убивали въ назиданіе другимъ....

— Охота вамъ слушать эту нелѣпую болтовню? Скажите, сколько разъ вы были влюблены въ парижанокъ?...

— ....На Рождество являлись цыгане-проводники,—послышалось мнѣ снова изъ глубины вагона и я снова позабылъ о своей сосѣдкѣ, не смотря на пожатія ея ножки.— Сморгонская академія устраивала имъ торжественную выпивку, послѣ которой начинался торгъ. Бывало мы продавали способныхъ звѣрей по триста, четыреста рублей. Зажиточные цыгане платили наличными; бѣднякамъ давали въ кредитъ, подъ росписку. Но что это за росписка была! Проводнику вручали палку и на ней дѣлали столько за-

рубокъ, сколько стоитъ медвѣдь. Каждый годъ проводникъ являлся и приносилъ нѣсколько рублей, тогда ему закрашивали краской соотвѣтствующее число зарубокъ. Наконецъ, когда долгъ очищался, проводникъ отдавалъ палку академіи и уходилъ на всѣ стороны свѣта....

— Какое горе было, когда пришла вѣсть о закрытіи Сморгонской академіи! Многіе въ отчаяніи убѣгали въ лѣса съ нѣсколькими любимцами, старики плакали, одинъ повѣсился на осинѣ. Я никогда не забуду тотъ день, когда медвѣдей вывели на площадь, гдѣ солдаты ихъ разстрѣливали. Какъ теперь помню эту минуту....

— Станція Минскъ, поѣздъ стоитъ двадцать минутъ!—прокричалъ кондукторъ.

Два незнакомца поднялись и вышли на платформу. Я бросился за ними.

— Послушайте, окончите же вашъ разсказъ....

На платформѣ было темно. Толпа жидовъ скрыла слѣды незнакомца, профессора Сморгонской академіи.

Я вернулся въ вагонъ и въ раздумьи сѣлъ

на свое мѣсто. Только черезъ четверть часа я вспомнилъ, что сосѣдка моя ушла.

— Они-съ перешли въ слѣдующій вагонъ!...—отвѣтилъ мнѣ кондукторъ, когда я спросилъ его о моей дамѣ.

На утро я замѣтилъ подъ ремнемъ своего плэда маленькій клочокъ бумаги. Чья-то рука нарочно протиснула его туда. Я развернулъ записку и прочелъ:

— „Надѣюсь, что вы были бы поучтивѣе съ дамами, еслибы окончили курсъ наукъ въ Сморгонской академіи!“



Рецензентъ.

Рецензентъ.

I.

Аркадій Дермидоновичъ Хлопушкинъ состоялъ фельетонистомъ и рецензентомъ при газетѣ „Соленый Огурецъ“. Въ качествѣ „столба“ редакціи, онъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ и репутаціей „остраго пера“. Это позволяло ему бранить всѣхъ безъ разбора, писать свои статьи на клочкахъ бумаги, не соблюдать не только ороографіи, но даже и простаго здраваго смысла, и съ самымъ компетентнымъ тономъ говорить глупости.

Однажды его призвали въ кабинетъ редактора.

— Что это, батюшка, вы стали полѣниваться,—началъ редакторъ, дружески пожимая руку Аркадія Дермидоновичу. — Вотъ уже цѣлую недѣлю, какъ читатели „Соленаго Огурца“ лишены удовольствія читать ваши разсказы.

— Я теперь занятъ,—мрачно проговорилъ Хлопушкинъ,—довольно работать изъ-за пятака—пора подумать и о безсмертіи, о славѣ.

— Ну, батюшка, успѣете еще!

— Теперь я засѣлъ за большой историческій романъ, изъ жизни готтентотовъ.... Уже сорокъ три листа отмахалъ и все еще самъ конца не вижу....

Редакторъ съ восторгомъ посмотрѣлъ на Хлопушкина.

— Я всегда говорилъ,—закричалъ онъ, что Хлопушкинъ талантъ, геній, архиспособная бестія!... А все-таки поѣзжайте нынче въ театръ и напишите намъ рецензію.

— Давайте четвертную, тогда согласенъ, —еще болѣе мрачно проговорилъ Хлопушкинъ, не тронутый этой лестью.

Получивши деньги, Хлопушкинъ поспѣшилъ уйти.

II.

Вмѣсто того, чтобы поѣхать прямо въ театръ, Хлопушкинъ заѣхалъ раньше въ трактиръ и успѣлъ порядочно наспиртоваться. Затѣмъ онъ потребовалъ себѣ газету.

— Посмотримъ, что нынче дается. Въ „Большомъ“ балетъ, въ опереточномъ „Синяя борода“, въ циркѣ блестящее представленіе. Въ „Драматическомъ“ новая драма! А, это интересно! Поѣдемъ въ „Драматическій“.

Хлопушкинъ поспѣлъ только къ концу перваго акта. Громко стуча сапогами, онъ прошелъ на свое мѣсто. Въ первомъ же антрактѣ Хлопушкинъ вышелъ изъ залы и прямо прошелъ въ буфетъ. Онъ былъ сильно выпивши и громко ораторствовалъ среди окружившей его толпы знакомыхъ. Пенснэ съѣхало на самый кончикъ его покраснѣвшаго носа, длинныя пряди волосъ прилипли къ вспотѣвшему лбу, глазки горѣли злымъ огонькомъ, а концы небрежно повязаннаго галстука трепетали отъ негодованія, наполнявшаго его грудь, какъ крылья бабочки.

— Пьеса недурная и публикѣ понравилась, —проговорилъ кто-то въ толпѣ.

— Это безобразіе,—заговорилъ Хлопушкинъ.—Смотрѣть тошно.... развѣ мыслимо такія вещи давать на сценѣ.... Что это за драма?... Фарсъ, балаганный фарсъ, написанный языкомъ, вылощеннымъ какъ паркетъ... Но покажите мнѣ хоть искорку таланта.... хоть одно удачное выраженіе, одинъ штришокъ, вѣрно намѣченный въ жизни, и я позволю себя назвать чѣмъ угодно.... Да что талантъ!... Здѣсь даже рутины нѣтъ, незнаніе самыхъ элементарныхъ пріемовъ. Отсутствіе равновѣсія частей, движенія, естественности.... Пригнано на живую нитку, точно балаганы на масляной.

— Позвольте! Вы ужъ очень того.... пьеса какъ пьеса, „бываютъ и хуже". Таланта, положимъ, немного, но, знаете, что-то такое есть! Огонекъ какой-то... бойкость, сноровка....

— Нѣтъ, ужъ извините.... Позвольте-съ.... я самъ драматургъ; однѣхъ большихъ пьесъ 347 написалъ, а мелкихъ и не сочтешь. Знаемъ мы эту бойкость. Сюжетецъ заимство-

ванъ.... на афишкѣ не указано, должно полагать, больше по скромности.... Очень ужъ застѣнчивы стали эти господа.... Сейчасъ видно, что съ французскаго. Насъ не проведешь!...

И Хлопушкинъ съ достоинствомъ выпилъ рюмку вина.

— Одно не понимаю,—продолжалъ онъ,— какъ это комитетъ пропустилъ. Разрѣшать такія вещи — значитъ развращать публику, потворствовать грязнымъ инстинктамъ. Театръ, такъ-сказать, школа, каѳедра....

Въ это время заигралъ оркестръ. Публика направилась въ театръ.... Хлопушкинъ все время проговорилъ съ кѣмъ-то въ буфетѣ. Онъ такъ и не видалъ драму, которую разносилъ въ пухъ и прахъ, не поинтересовавшись даже узнать названіе такъ нещадно ругаемой имъ пьесы.

Спектакль окончился. Тяжелый занавѣсъ упалъ. Стали тушить газъ. Точно волны хлынула публика изъ залы и смѣшалась въ корридорѣ въ одну пеструю, шумную толпу. Театръ опустѣлъ....

Хлопушкинъ нетвердой походкой направился къ выходу....

— Успѣхъ недуренъ.... Сборъ полный, —бормоталъ онъ....—нужно разбранить.... Нда-съ, мы ужъ пустимъ критику.... Не поздоровится.... Только вотъ, какъ названіе и кто авторъ? забылъ купить афишку....

Вернувшись домой, Хлопушкинъ засѣлъ за рецензію и затѣмъ отправилъ ее въ редакцію, присоединивъ къ ней записку слѣдующаго содержанія: „посылаю рецензію, прошу пополнить пробѣлъ,—забылъ точное названіе пьесы и имя автора; проставьте по афишѣ сами,—боюсь ошибиться“.

III.

На слѣдующій денъ Хлопушкинъ проснулся съ головной болью. Развернувъ только-что полученный № газеты, онъ быстро пробѣжалъ ея столбцы и поблѣднѣлъ.

Кусая отъ бѣшенства ногти, онъ прочелъ до конца рецензію, наполненную бранью самой безцеремонной и беззастѣнчивой. Затѣмъ онъ бѣшено скомкалъ газету, швыр-

нулъ ее въ уголъ, и одѣвшись, выбѣжалъ на улицу.

— Что это значитъ?—дрожащимъ отъ негодованія голосомъ спрашивалъ онъ черезъ полчаса редактора газеты, въ которой была помѣщена рецензія.—Вы разбранили мою драму?...

— Да вѣдь это ваша рецензія, г. Хлопушкинъ! Вчера ночью вы сами доставили ее.... Я, признаться, и не читалъ, прямо корректору отдалъ, онъ и пробѣлъ, согласно вашей запискѣ, пополнилъ... недосужно было.... Вотъ и оригиналъ вашъ.

Редакторъ протянулъ ему лоскутокъ бумаги. Хлопушкинъ расправилъ его и обомлѣлъ—это былъ его почеркъ!

— Дурракъ!—крикнулъ онъ, ударяя себя по лбу.... Это я вчера спьяна написалъ.... Вотъ такъ удружилъ!....



Дѣвица Батурина.

Дѣвица Батурина.

Увеселительный садъ *Ренесансъ* доживалъ свои послѣдніе дни. Постоянныя посѣтительницы его натянули на себя „дипломаты“, издававшіе еще спецефическій запахъ, присущій ссуднымъ кассамъ, а охрипшія француженки пѣли чуть не въ салопахъ, досадуя на невозможность подымать ножку выше колѣна.

Моросилъ мелкій дождь. Тотъ дождь, который проникаетъ сквозь платье въ душу и щемитъ за сердце. Въ такую погоду изъ дому тянетъ на улицу, а съ улицы страшно возвратиться въ свою мрачную комнату въ четвертомъ этажѣ....

Я сидѣлъ за столикомъ и машинально тя-

нулъ горькое, выдохшееся пиво. Со сцены доносилось нелѣпое и фальшивое:

Трулала-и-ту, трулала-и-та....

Мимо меня ходили толпы бѣдныхъ, накрашенныхъ и смертельно скучавшихъ созданій. Онѣ громко разговаривали на своемъ арго и я улавливалъ тѣ немногія слова, вокругъ которыхъ вертится вся жизнь этихъ женщинъ: „Штафирка", „офицеръ", „лихачъ", „дипломатъ справила", „гости пріѣхали".

Наконецъ въ мокромъ воздухѣ раздалась послѣдняя хриплая нота и занавѣсъ упалъ. Музыканты, серіозные, по большей части пожилые и семейные люди, быстро натянули свои дрянныя пальтишки, и подобравъ инструменты, первые разошлись по домамъ. Вслѣдъ за ними двинулись тѣ, кто пріѣхалъ „такъ себѣ", „посмотрѣть", и наконецъ „настоящіе" посѣтители.

Я расплатился, бросилъ двугривенный на чай лакею, за что онъ тотчасъ произвелъ меня въ „сіятельство", и пошелъ къ выходу на улицу. Въ дверяхъ было такъ тѣсно, что публика выходила сплошною толпою. Въ моментъ, когда я былъ окруженъ со всѣхъ

сторонъ, кто-то многозначительно подтолкнулъ меня. Я оглянулся и увидѣлъ довольно миловидную и самую молодую изъ всѣхъ посѣтительницъ сада. Она замѣтила нѣсколько взглядовъ, которые я бросилъ на нее за вечеръ, и рѣшилась воспользоваться ими.

Въ какой-нибудь моментъ между нами утвердилось безмолвное соглашеніе. Я не произнесъ ни слова и сѣлъ въ пролетку; она послѣдовала за мною и крикнула извощику свой адресъ. Мы поѣхали.

....Пятьдесятъ пять.... шесть, семь, восемь. Шестдесятъ двѣ ступени. Ухъ!

Я шелъ сзади, сожигая одну за другою спички. Наконецъ безконечная, грязная лѣстница пройдена. Мы остановились у двери съ ободранной клеенкой, на которой красовалась визитная карточка: *Раиса Павловна Батурина*.

— Подождите меня, я сичасъ,—сказала моя спутница и юркнула въ комнату.

Я остался одинъ на площадкѣ темной лѣстницы. Вдругъ среди тишины до меня донесся шепотъ за дверью.

— А, вѣроятно какой-нибудь „блаародный челаэкъ", — подумалъ я, — посмотримъ однако.

— Войдите пожалуйста, — сказала Раиса Павловна, отворивъ двери. Я переступилъ порогъ комнаты.

На меня пахнуло жилымъ запахомъ; тѣмъ запахомъ, который присущъ меблированнымъ комнатамъ, гдѣ прошли цѣлыя толпы людей и каждый человѣкъ оставилъ частицу своего специальнаго запаха. Вы можете обкурить такую комнату карболовой кислотой или вылить на стѣны флаконъ духовъ, она не потеряетъ своего стараго запаха, этой живой иллюстраціи всѣхъ своихъ жильцовъ.

Меблировка комнаты была несложна. Отдѣленная драпировкой кровать, комодъ, покрытый вязаной скатертью, на которомъ стояла „трюма", три стула, голубой диванъ и столъ, на которомъ покоился еще утренній самоваръ и проволочная сѣтка съ сайкой. Надъ диваномъ висѣло около дюжины рамокъ съ ракушками, въ которыхъ сидѣли военные писаря, оперные пѣвцы и дѣвицы-подруги.

Не успѣлъ я провести въ этой комнатѣ

пяти минутъ, какъ невыразимая тоска обуяла все мое существо. Мнѣ хотѣлось бѣжать, поскорѣе бѣжать. Я взглянулъ на окно, по стекламъ котораго струились дождевыя слезы, и непогода удержала меня.

— Что же вы? — раздался голосъ Раисы Павловны.

— Сейчасъ.

Чтобы разогнать тоску, я началъ тотъ банальный разговоръ, который всегда развязываетъ языкъ потерянной женщины. Когда она пала? Что побудило ее къ этому? Кто толкнулъ ее на эту скользкую дорогу? Сначала она отвѣчала только на вопросы; очевидно врала, притворялась. Но постепенно, увлекаясь собственными словами, она разсказала мнѣ цѣлый романъ,—грубый, но исполненный драматизма.

Это былъ штабный писарь, который въ первый же день знакомства увезъ ее отъ пьяницы-отца и бросилъ черезъ недѣлю. Она поступила горничной къ богатымъ людямъ и сдѣлалась любовницей молодаго барича. Когда плоды знакомства съ писаремъ стали обнаруживаться и Раиса, называвшаяся то-

гда Акулиной, пустила слухъ, которымъ былъ скомпрометированъ молодой баринъ, ее прогнали, назначивъ пенсію будущему ребенку.

— Что же, онъ живъ?—спросилъ я.

— Да, въ Воспитательномъ, — отвѣтила нехотя Раиса Павловна.

Въ это время въ двухъ шагахъ отъ меня раздался кашель. Я вскочилъ и зажегши свѣчу сталъ искать. Поиски были недолги: въ нишѣ, служившій шкапомъ, покрытой ситцевой занавѣсью, на стулѣ дремалъ ребенокъ. Во снѣ онъ произвелъ неловкое движеніе, привлекшее мое вниманіе.

— Кто это?—громко крикнулъ я.

— Это я,—плаксиво отвѣтилъ мнѣ дѣтскій голосокъ и изъ угла вылѣзъ грязный мальчикъ лѣтъ пяти.

— Это Петя, мой сынъ,—закрывъ лицо руками сказала Раиса Павловна,—бѣдняжка спитъ со мной, когда я одна. Когда же у меня гости....

Но я дальше не слушалъ. Уложивъ ребенка, рядомъ съ матерью, я быстро одѣлся, положилъ на комодъ подлѣ „трюмы“

все, что было въ моемъ кошелькѣ, и вышелъ изъ комнаты.

— Прощайте, — раздался робкій и сконфуженный голосъ Раисы Павловны, которая обнимала храпѣвшаго уже Петю.

И въ этомъ „прощайте“ мнѣ послышалась безконечная благодарность.



Номеръ 17.

Номеръ 17.

Блѣдный разсвѣтъ заглядывалъ въ окно, Михаилъ Ивановичъ Насѣдкинъ уже проснулся. Онъ зѣвнулъ, сладко потянулся и сѣлъ на своемъ широкомъ супружескомъ ложѣ. Съ минуту онъ собирался съ мыслями, потомъ его красное измятое лицо приняло озабоченное выраженіе и онъ сталъ будить свою жену.

— Нюничка, а Нюничка!

— Что тебѣ?

— Ты спишь?

— Сплю.

— Какъ же это, душечка, ты спишь, если ты мнѣ отвѣчаешь?

— Такъ зачѣмъ же ты спрашиваешь, если я тебѣ отвѣчаю?...

— И то правда! Впрочемъ дѣло не въ этомъ. Ты знаешь, что нынче конная ярмарка въ Разуваевѣ. Ты помнишь гнѣдую кобылу?... Мы купили ее у Марьи Савишны.... такъ она того.... захромала.

— Кто, Марья Савишна?

— Нѣтъ, кобыла. Нынче я собираюсь уѣхать на ярмарку. Ты не жди меня раньше какъ завтра къ вечеру.

— Поѣзжай....

Михаилъ Ивановичъ грузно соскочилъ на полъ и принялся за свой туалетъ.. Черезъ часъ онъ уже ѣхалъ на вокзалъ въ своей сѣрой дорожной парѣ и съ сумкой черезъ плечо.

* * *

Какъ только Михаилъ Ивановичъ уѣхалъ, Антонида Кондратьевна позвонила. Вошла молоденькая горничная.

— Лиза, перо, чернила и бумагу.

— Слушаю-съ.

Горничная принесла требуемое и Антонида

Кондратьевна принялась писать письмо. Медленно она выводила букву за буквой, сильно налегая на перо и двигая высунутымъ языкомъ по направленію выводимой строчки. Наконецъ письмо было готово.

„Милый мой Васенька,—писала она,—Михаилъ Ивановичъ уѣхалъ въ Разуваево на конную ярмарку. Наша гнѣдая кобыла захромала, а потому на нынѣшній вечеръ я свободна. Приходи, какъ всегда, въ гостиницу „Золотой Якорь“ въ извѣстный тебѣ номеръ. Если придешь раньше, то подожди въ немъ любящую тебя Ниночку“.

Затѣмъ Антонида Кондратьевна написала адресъ: Василію Ардальоновичу Купоросову и подала письмо горничной.

— На, Лиза, снеси Василію Ардальоновичу. Да живѣй только.

— Слушаю-съ.

Оставшись одна, Антонида Кондратьевна зарылась въ кружевныя подушки и снова сладко заснула.

*
* *

На улицахъ зажигали газъ, когда Анто-

нида Кондратьевна прибыла въ „Золотой Якорь“. Это была маленькая гостиница на противоположномъ концѣ города, въ которой она нанимала помѣсячно небольшой номеръ, для своихъ тайныхъ свиданій съ Купоросовымъ.

Въ передней Антонида Кондратьевна никого не встрѣтила. Она сняла съ доски ключъ отъ своего номера, который висѣлъ на гвоздѣ № 17, и поднялась на третій этажъ.

— Василій нынче должно-быть опоздаетъ, —подумалъ она, зажигая свѣчу въ своей комнатѣ. Она сняла калоши, пальто и затѣмъ стала спокойно раздѣваться, заперевъ дверь на ключъ и вынувъ его изъ замка. Это было уже не первое свиданіе въ этой гостиницѣ и Антонида Кондратьевна была увѣрена, что Купоросовъ придетъ черезъ нѣсколько минутъ.

Ей было немножко холодно и она рѣшила лечь въ постель. Она поставила на ночной столикъ свѣчу, завернулась въ одѣяло и принялась читать романъ, который нашла въ комодѣ.

Прошелъ часъ, но Купоросова не было. Прошелъ и другой, но онъ не являлся.

Сонъ началъ овладѣвать Антонидой Кондратьевной. Она зѣвнула, повернулась на другой бокъ и задремала. Вѣки ея сомкнулись и дыханіе стало ровнѣе. Свѣча догорѣла и съ шипѣніемъ погасла...



На ярмаркѣ въ Разуваевѣ Михаилъ Ивановичъ не нашелъ подходящей лошади и рѣшилъ, не дожидаясь слѣдующаго дня, вернуться домой.

Въ три часа ночи поѣздъ прибылъ въ городъ. Кондукторъ разбудилъ Насѣдкина и вынесъ его вещи.

— Куда извощика прикажите нанимать?— спросилъ онъ.

— Гм! Куда?...—подумалъ Михаилъ Ивановичъ.—Домой тащиться на другой конецъ города—далеко. Да и къ тому же придется всѣхъ безпокоить.... Не лучше ли переночевать гдѣ-нибудь по близости?

— Въ гостиницу,—отвѣтилъ онъ кондуктору.—Какая здѣсь поближе?

— „Золотой Якорь“-съ.

— Валяй въ „Золотой Якорь“.

Ободранный Ванька доставилъ заспаннаго и усталаго Михаила Ивановича въ „Золотой Якорь“.

— Есть свободные номера?—спроситъ Насѣдкинъ у швейцара.

— Никакъ нѣтъ-съ.... Всѣ заняты-съ....

— Какъ же быть-то.... Не ночевать же мнѣ на улицѣ....

— Какъ вамъ будетъ угодно....

— Послушай, любезный, можетъ быть найдется како-нибудь номеришко.... мнѣ только бы до завтра.... Я заплачу вамъ вдвое.

Швейцаръ съ минуту подумалъ. Онъ полагалъ, что 17 № не занятъ, такъ-какъ онъ не видалъ Антониды Кондратьевны. Перспектива получить лишній цѣлковый соблазнилъ его.

— Есть одинъ.... Помѣсячно онъ у насъ ходитъ.... Барыня одна снимаетъ. Такъ должно-быть, изъ гуляющихъ. Нынче она не ночуетъ дома,—сказалъ онъ.

— Ну, вотъ и отлично.... Веди меня туда.

На доскѣ не оказалось ключа отъ 17 №.

Швейцаръ взялъ первый попавшійся подъ руку и повелъ Михаила Ивановича на третій этажъ.

— Пожалте-съ!—промолвилъ онъ, отворивъ двери 17 номера и пропуская въ него Насѣдкина.



Раздѣться было дѣломъ одной минуты для Михаила Ивановича. Онъ даже не зажегъ свѣчи, такъ былъ измученъ, и спѣшилъ скорѣе лечь въ постель. Онъ бросился на свѣжія простыни, закрылся одѣяломъ.

Вдругъ онъ слышитъ чей-то шопотъ у самаго его уха:

— Это ты, мой милый?

— Я,—шопотомъ отвѣчалъ Насѣдкинъ, еще не зная, какъ ему слѣдуетъ поступить.

— А я думала, что ты ужъ не придешь.



Блѣдный разсвѣтъ опять заглядывалъ въ окно, когда Михаилъ Ивановичъ проснулся. Онъ присѣлъ на кровать и зѣвнулъ. Потомъ онъ припомнилъ ночное приключеніе и ему

захотѣлось посмотрѣть на свою компаніонку по комнатѣ. Онъ безцеремонно повернулъ ея голову къ свѣту. Сразу онъ не узналъ жену.

— Кажется ничего себѣ, даромъ-что изъ гуляющихъ,—пробормоталъ онъ.

Антонида Кондтатьевна проснулась и тоже приподнялась съ улыбкой на устахъ. Взоръ ее упалъ на сосѣда и она громко воскрикнула. Крикъ удивленія раздался также и со стороны Михаила Ивановича. Затѣмъ послѣдовало долгое молчаніе....

— Такъ это была она!—наконецъ произнесъ разочарованно Михаилъ Ивановичъ.

— Такъ это былъ ты,—печально прошептала Антонида Кондратьевна.





ОГЛАВЛЕНІЕ.



